

ДАВИД ШЕМОКМЕДЕЛИ

ОТЧЕГО ЗИМОЙ ПЛАЧУТ ПТИЦЫ

Новеллы

ДАВИД ШЕМОКМЕДЕЛИ

ОТЧЕГО ЗИМОЙ ПЛАЧУТ ПТИЦЫ

Новеллы

Перевод с грузинского
В.Саришвили

Приложение к журналу
«Русский клуб»

Тбилиси
2011

с
и,
да
И
да
ды
ий.
ги
а,
е
ды
и)
ди
нт
за
м

Издатель -
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Редактор
АРСЕН ЕРЕМЯН

© Давид Шемокмедели, 2011

ISBN 978-9941-0-3845-7

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ ГРОЗДЬЯ

Култ виноградной лозы в Грузии духовно связан с православной верой. Еще в IV века придя из Каппадокии, Святая Равноапостольная Нино Просветительница принесла на землю Грузии крест из виноградной лозы. И осенний сбор винограда, именуемый у нас «ртвели», всегда символизировал итоги очередного отрезка жизни – плоды трудов, молитв, усердия и любви к ближнему.

Писатель тоже приходит на «ртвели» своих вдохновений. Новеллы Давида Шемокмеди из его новой книги «Почему зимой плачут птицы» - это проза зрелого мастера, умудренного опытом и «побитого» жизнью, как и все наше поколение, пришедшее в большую литературу в 80-е годы прошлого века.

Давид Такидзе (литературный псевдоним Шемокмеди) родился 8 апреля 1953 года в селе Шемокмеи Озургетского района Западной Грузии. Ныне он президент Общества «Руставели», заместитель председателя Союза писателей Грузии, а до того в разные годы работал главным

редактором грузинского журнала «Литература и искусство» и редактором издательства «Национальная литература».

Давид Шемокмедели — автора 11 книг прозы, поэзии и эссе. Его стихи переведены на многие иностранные языки, включена в «Антологию классической грузинской литературы», вышедшую в свет на русском и армянском языках.

Один из наиболее заметных грузинских литераторов — «восьмидесятников», Давид Шемокмедели в новой книге прозы и эссеистики предстает мастером психологического анализа, экспрессивно-динамичного стиля повествования.

В прозе он отстраняется от собственного «я» и переносит его на персонаж, живет жизнью своих героев... По принципу Флобера — «Мадам Бовари — это я»... Или Ильи Чавчавадзе, перевоплотившегося в образ Отаровой вдовы.

Но при этом его взятые из реальной жизни персонажи в то же время символичны и метафоричны, и даже в бытовых описаниях присутствует метатекст. Это — основа его стиля. А основа всех конфликтов в его прозе — это проблема выбора. Персонажи всегда стоят перед сложным выбором, как в повседневной человеческой жизни. И сделанный выбор определяет их дальнейшую судьбу.

Также в центре его художественных интересов — проблема насилия, проблема жертвы и палача. К этой теме он подходит с двух принципиально различных позиций: в ряде новелл личность — палач, а общество — жертва. Или наоборот: общество — насильник, а свободная личность — жертва. Эти две темы — одни из главных в творчестве писателя.

Особенно удаются Шемокмедели-прозаику сюжеты, в основе которых лежит конфликт выбора, и его писатель разрешает в мифологическом, ситуативно-психологическом или пронзительно-лирическом ключе, как в представленных новеллах.

Художественный метод Давида Шемокмедели не ограничивается рамками этих определений, он несравненно

богаче и оснащен многоцветной палитрой художественных тропов, применяемых с чувством меры и не изменяющим ему эстетическим вкусом.

Остается надеяться, что читатель оценит по достоинству степень художественности драматического мировоззрения грузинского писателя и добавит в свою духовную коллекцию еще одно открытие – прозу Давида Шемокмедели, впервые зазвучавшую отдельной книгой на иностранном языке.

Владимир САРИШВИЛИ

ОТЧЕГО ЗИМОЙ ПЛАЧУТ ПТИЦЫ

- Ах ты непоседа этакая,- приговаривала бабушка,- видишь ведь, все как есть тебе рассказала, так оставь мне маленькую тайну, надо же унести с собой что-то в мир иной.

- Вечно ты в прорицательницы рядишься. И как эта замухрышка с ума тебя, старую, сводит,- подтрунивала над ней моя тетушка.

Все, чего я наслышалась о бабушке или прочитала в газетах тех лет ни чуточки не утолило прихотей моего любопытства. Бабушка была идеалом. Я и вправду едва не сводила ее с ума, и чему тут удивиться – во мне не угасало желание все знать о ней. Ее красота не блекла с годами.

- Эх, бывало, пройдет она, да осветит все вокруг... И волосы в косах мне легче было счесть, чем ее полковников.

- Не полковников, а поклонников,- грозно поправляла тетушка нашу соседку, которую, по причине глубокого склероза, дети не выпускали на улицу без сопровождения. Но красоту моей бабушки она не забыла.

Рассказывали еще, что, когда бабушке было чуть за тридцать, в нее влюбился шестнадцатилетний мальчишка. И стоял он у подъезда часами, как прикованный, чтобы хоть на миг увидеть ее, спускающуюся по лестнице. И не припомнишь, сколько раз на ручке дверей ее квартиры, вместе с прикрепленным букетом цветов, видели записку:

- «Я люблю тебя, Елизавета!»

Когда я открывала альбом бабушкиных фотографий, исчезала связь с внешним миром, и я погружалась в жизнь тогдашнего Тбилиси. И каких только известных, и сегодня превратившихся в легенды личностей вы бы там не увидели, но единственный,

о ком она вспоминала с восторгом, был мой дедушка. Об их любви я была наслышана и от других, но всегда мне казалось, что она чего-то недоговаривает.

Нет-нет, да и обмолвятся при мне – кто бы, сударь ты мой, прошел мимо такой красоты – известно, мужик – гад похотливый. Не Манучаром единым... До бабушки эти слухи не доходили, или она не обращала на них внимания, сказать не могу.

Не знаю, что во мне пересилило – безграничная близость или чрезмерное нахальство, но однажды я не утерпела и выпалила:

- Очень тебя прошу, не таи, ты изменяла дедушке?

Поначалу она недовольно поморщилась, загадочно усмехнулась, но было видно, что с утра она проснулась в хорошем настроении. Потом словно бы оцепенела, на лице ее застыла глубокая грусть.

- Эх ты, копытце чертенка, ладно, скажу, Ты ведь если пристанешь, как банный лист, все равно не отлипнешь. Ты первая, кому я открываю эту тайну. И тихим голосом, как на исповеди, начала свой рассказ:

- Как-то вечером позвонила моя подруга Тинико и говорит – завтра, мол, едем в Барисахо, и Заур с нами едет. Этот Заур жил как крот незрячий, девушкам он не нравился, и мы так и не разобрались – серьезно она его заприметила или так, от нечего делать... Да, так вот, звонит мне, значит, Тинико, и предупреждает: оденься потеплее, там по ночам такая холодина – окоченеешь. И Манучара с собой возьми. Ну я обрадовалась, давно мечтала вырваться из унылого городского однообразия. И не вспомни она о Манучаре, все равно забрала бы его с собой. Не только ведь женщиной семейной, но и до замужества, когда он за мной ухаживал, и любовь наша только расцветала, вольной жизни я не видела. С каждым днем к нашей любви добавлялось по искорке, и в сердце места ни на что больше не оставалось. Словом, не буду тебя томить, на другой день, часов в одиннадцать, мы уже были в дороге. Только в автобусе узнали, что едем на день рождения одного знакомого хевсура. Но повод меня не интересовал – главное, я еду в горы, подальше от безликого городского существования... Погода была к нам милостива. В легкой белесой дымке, как в подвенечном платье, вдалеке предстали горы. Бурлящая Арагви и первозданная чистота вершин переполняли душу счастьем. Вот уже третий

год мы с Манучаром делили ложе, и пора уж было отдалиться от радостей медового месяца. Но у нас все было по-другому — чем дальше бежало время, тем сильнее мы стремились друг к другу, тем слаще была наша любовь. Но — никогда я никому этого не говорила — в тот день нас охватила какая-то колдовская, головокружительная страсть. Прояснившееся небо, нежность полевых цветов, надменность горных громад — от всего этого дыхание наше прерывалось, а кровь неслась по жилам кипящим потоком.

Наконец мы добрались до селения. Хозяева встретили нас радушно, мы сразу почувствовали себя среди своих в хевсурских горах. По дороге в автобусе вся компания попивала вино. Мужчины наклюкались, нетвердо стоя на ногах, не совладав с нахлынувшим вдохновением, затянули песни, в ход пошли и стихи. Ну не ходить же нам с Манучаром, сросшись, как сиамские близнецы? Останься я хоть на миг одна, тут же вырастал рядом хевсур с кинжалом наголо, знакомиться принимался, а глаза так и бегают. Ну чего скрывать, в сравнении с хевсурскими женщинами одета я была вызывающе.

Раз Манучар встретился со мной взглядом, и тут же я отошла от хевсура. Вот и все, что было, и до вечера ничего мне больше не запомнилось. Зарезали барана, напекли пирогов, бросили в котел хинкали, устали стол огненным жипитаури*, и начался пир горой. Манучар не любил таких шумных застолий. Петь не пели, лишь изредка кто-то затягивал хриплую ноту, да тут же и умолкал. Зато наперебой рассказывали горские легенды и страшные истории о лавинах и прочих стихийных бедствиях. Я слушала все это вполуха. Сказывалось утомление целого дня — меня разморило и клонило в сон. Хозяйка дома отвела меня в спальню, в конец коридора. Я прилегла. И тотчас же провалилась в сон. Пробудилась от чьих-то шагов — ко мне приближалась тень. Мужчина!.. По всему телу пробежала холодная, скользкая, как медуза, дрожь. Я хотела закричать, но зажала рот ладонью. Какая-то незримая сила остановила меня. Спустя секунду-другую он забрался в мою постель. Оробелым воробышком я съежилась на краю кровати. Он овладел мною... На душе было так мерзко, будто меня бросили в темницу и топчут сердце кирзовыми сапогами. Неожиданно к окну подступил мерцающий белый свет луны, и внезапно я поняла,

*Жипитаури — некрепкая домашняя водка.

как жестоко ошиблась. Это был не какой-то пьяный сельчанин – это был Манучар. Внезапно словно бы мокрый, насквозь сырой тоннель залился светом, меня будто бы усадили в белое, медленно колеблющееся облако, и такой же белоснежный скакун уносил его вдаль, в бесконечность... Вновь разыгралась женская страсть, и я погрузилась в неземное блаженство...

В ту ночь переживания неотступно теснились во мне, заполнили сознание, но я ничем себя не выдала. Мы вернулись в город, побывали на чудесном концерте в филармонии. И Манучар был в отличном настроении. Неожиданно он наклонился ко мне и прошептал:

- Ночь в Барисахо всегда будет для меня сказочным воспоминанием, Елизавета.

Я мгновенно ответила:- Знал бы ты, сколько страха я натерпелась в ту ночь, как боролась с собой – не говорил бы так.

- Чтоо?!- лицо его вытянулось от удивления.

Я поняла, что не надо было этого говорить. Но слово не воробей – вылетит – не поймаешь. И я решила выложить всю правду.

- Что... А вот что. В ту ночь, когда ты вошел в спальню, я думала, что это чужой мужчина. И только в последний момент, когда луна осветила комнату, я поняла, что это – ты.

В мгновение ока он побледнел.

- Но ведь это измена! Почему ты скрывала все до сих пор?

- Я не решалась, Манучар. Не хотела ранить тебе сердце.

- Значит, ты отдавалась другому. Почему не закричала, не позвала на помощь?

- Я боялась, Манучар. А вдруг он убил бы тебя. Ты же был безоружен.

- Мы все однажды окажемся на том свете. А тебе разве неизвестно, что мертвый муж лучше рогатого?!

Соседи по креслам стали обращать на нас внимание.

- Дома обсуждайте семейные дела, будьте любезны!- прошипела из заднего ряда пожилая дама в очках.

Мы молча покинули зал. На улице бесновался ледяной пронизывающий ветер, я его не выношу. Ни слова не вымолвив, подошли к дому. Между нами словно бы встала какая-то не имеющая названия неловкость.

В ту ночь он не входил в спальню.

- Извини, Елизавета, никак не могу прийти в себя,- говорил он, словно бы каялся. Не пришел он в нашу спальню и на вторую ночь, и так продолжалось все невыносимые две недели, пока мне не сообщили, что он попал в автокатастрофу.

Я застала его в агонии. У меня на руках испустил он дух. Перед смертью на глазах его показались слезы: - Я счастлив, что в последние мгновения вижу тебя.

Петь он, бедняжка, не умел, но не проходило и дня, чтобы не затянул какую-нибудь нелюбимую мной мелодию на свой лад.

«Я любил тебя и люблю, и желаю, чтобы руки твои мне глаза закрыли».

Тогда я дурочка не понимала, но сейчас думаю, и это облегчает мне душу, что оказавшись рядом с ним в последний час, я исполнила хоть одно его желание. Вот и все, что могу я тебе поведать.- после этой фразы бабушка и вздохнула тяжело, словно сердце выпускала на волю.

- Какая печальная история,- сказала я.

Бабушка резко отвернулась, в ней, разменявшей девятый десяток, оставалась еще энергия, чтобы скрыть намернувшиеся слезы.

На другое утро, когда я проснулась, бабушка была уже на ногах. Окна застилала такая белизна, что взглядом заспанных глаз сквозь нее было не проникнуть. Судя по всему, зима не собиралась в обратный путь-дорогу. Вокруг царило завораживающее белое безмолвие, ослепляющее своею яркостью. За ночь подморозило. С деревьев и балконных балясин толстыми чурчхелами свисали сосульки. Обжигающий холод пронизывал до костей.

Елизавета собиралась на кладбище. Она ходила на могилу Манучара каждое воскресенье. Уложив отборные цветы у надгробной плиты, часами простаивала за оградой, словно окаменев, превратившись в статую. Она надела теплую куртку, на всякий случай прихватила зонт, которым иногда пользовалась как тростью, и вышла на дорогу, ведущую к кладбищу. За мостом, где дорога устремлялась вверх, вдруг раздался жалостный, щемящий душу птичий щебет. Она с любопытством огляделась вокруг. Над заколоченной птичкой, застывшей на снегу, на дерево вспорхнула другая, белогрудая. И сидела как привязанная, и не думала улетать. Тишина стояла, как в пустом

храме, где по стенам свет изливают одни иконы. Елизавета, не желая спугнуть птиц, стояла не шелохнувшись. Она хорошо понимала, да и понимать тут было нечего — одинокая птица оплакивала погибшую подругу.

Когда в детстве, в студеные, жгучие зимы, я замечала нахохленных птичек, то знала наверняка — они плачут. Но когда я говорила об этом вслух, никто мне не верил — тебе, мол, это кажется. Но и сегодня меня удивляет — почему другие этого не понимают? И теперь, когда я выросла, закончила школу и распрощалась с детством, во мне не иссякает любопытство — разве не удивительно?! Отчего же зимой плачут птицы?

НЕОКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ

Я познакомился с Марицей в поезде. Кроме нее, в купе оказались еще две женщины. Поначалу мне подумалось, что это — одна компания. Немного погодя выяснилось, что познакомились они только что. Поезд свистнул, затрясся и двинулся точно по расписанию, в 12.00. Август подходил к концу. Его пыхтенье, громкая болтовня пассажиров и стук болтающейся вагонной двери смешались воедино. Мы с пожилой женщиной сидели на полке против движения, а Марица с другой попутчицей — напротив. Несмотря на загар, черты ее лица сохранили нежность. В первую же минуту после знакомства Марица сообщила мне, что пишет стихи. Я поклонник поэзии, особенно народной, и поэтому новая знакомая пробудила во мне живой интерес. Марица говорила о себе с таким увлечением, что я невольно почувствовал себя плывущим в потоке ее жизни. Я еще не успел осознать это, но Марица мне уже нравилась. Пожилая женщина вскоре заснула как убитая, за ней и вторая, а мы продолжали без умолку болтать, и наши голоса и смех явно слышны были в смежных купе. Наконец, на исходе сил, мы заснули около трех часов утра. Утром, пробудившись почти одновременно, мы в один голос приветствовали друг друга, не меняя горизонтального положения, и столь же синхронно улыбнулись, оценив комичность момента.

Прощаясь на вокзале, она открыла кожаную сумочку светло-кизилового цвета, отыскала там клочок бумаги и записала свой номер телефона.

По дороге у меня невыносимо раскалывалась голова — закономерный результат бессонного путешествия. Не успел я войти в квартиру, как, не раздеваясь, бросился на тахту и заснул, едва донеся голову до подушки. Вечером я уселся

у телефона и настроился на разговор с Марицей. Разве мог я знать, какое разочарование постигнет меня? Судорожно хлопая себя по карманам, я, наконец, повыворачивал их наизнанку, но бумажки с телефоном так и не нашел. Я потерял Марицу. Что поделаешь – надо смириться с судьбой. Вскоре я погрузился в каждодневные заботы и почти позабыл о случайной попутчице. В последнее время усталость чувствовалась все острее, депрессия навалилась на меня... Единственным средством восстановления энергии и самоуспокоения стало кофепитие, постепенно перешедшее в ежедневный ритуал.

В тот день я обегал весь проспект Руставели в поисках турецкого кофе, но его нигде не оказалось. Моросил дождь. Я мечтал о тихом уголке в каком-нибудь кафе. Случайно рядом с Домом кино заметил вывеску «Райские врата». Войдя, я мельком оглядел посетителей и... не поверил глазам своим – за столиком прямо передо мной, повернувшись в профиль, сидела Марица. Я быстро достал из кармана пиджака лист бумаги и принялся набрасывать его портрет. Как видно, она заметила меня, не успел я войти в кафе, потому что когда я закончил, она поднялась из-за столика и направилась ко мне.

- Не подарите ли мне ваш рисунок, - сказала она с улыбкой.
- Разумеется...
- Почему вы не позвонили? Я ждала вашего звонка.
- Я потерял номер телефона.
- Вот видите, вы не смогли сберечь и клочка бумаги, как же вам можно довериться человеку?! – с легким упреком сказала она, улыбнувшись вновь.
- Человека я уберегу, не сомневайтесь.
- Поживем – увидим, - почему-то вспомнила она русскую поговорку.

Выйдя из кафе, мы долго бродили по городу, поднялись и на Мтацминда.

- Почему вы не открыли мне в ту ночь, что вы – художник?
- Важа Пшавела однажды три дня путешествовал с незнакомыми людьми и не открыл им своего имени. А кто я в сравнении с ним, чтобы представляться художником?
- Вы неправы, времена изменились. Таясь от окружающих, вы только вредите сами себе.

А дождь все не прекращался, и долго на Мтацминда мы не

задержались.

- Мне по душе такая погода. Осенний дождь располагает к прогулкам.

Меня же, напротив, дождь всегда повергал в дурное расположение духа и вызывал единственное желание — прочно обосноваться в теплой комнате. Я пригласил ее в свою мастерскую. И, к моему удивлению, она согласилась. Хотя я солгал — никакой мастерской на самом деле у меня не было, а пригласил я ее к себе домой, по совместительству — в мастерскую. Мои работы были развешаны по всем стенам квартиры, кроме, разве что потолка. После кончины матери одиночество настолько захлестнуло меня, что, если я не бывал расположен рисовать, предпочитал домашнему безделью прогулки по улицам. Мои рисунки восхитили ее. Во всяком случае, такое у меня осталось впечатление. Она собралась уходить засветло. Я завел разговор о новой встрече.

- В воскресенье, в храме Преображения... Я буду на службе, можем увидеться там, приходите, - сказала она и ушла.

Мы быстро подружились. И всякий раз, после церковной службы, направлялись в кафе «Райские врата». Его местоположение и обстановка очень соответствовала нашим доверительным отношениям. Особенно мы ценили, что здесь не тревожили слуха вопли с уличных митингов, и «Райские врата» стали для нас лучшим местом уединения.

- А хочешь посмотреть, как я живу? — спросила она однажды. — Завтра мой муж уезжает на охоту, а Нику мы отправим к бабушке...

На другой же день я тщательно подготовился к встрече. Долго выбирал букет цветов и примерно к четырем часам дня звонил в дверь Марицы. Богато убранная квартира дома чешского проекта была битком набита книгами. Среди них я разглядел и такие редкие издания, о которых раньше знал только понаслышке. На одной из стен, под фотографией Марицы, я заметил свой рисунок. Она заметила мой взгляд, прикованный к портрету, и почувствовала, как мне приятно видеть его здесь.

- Мне он нравится, хотя и кажется, что все-таки он не закончен. Чего в нем не хватает, по-твоему?

- Старости. Ведь только в старости можно создать заверченный образ человека.

- Это правда. Я люблю стариков, среди них у меня много друзей. Иногда даже ловлю себя на мысли, что я – герантофилка. А знаешь, какие они смешные и милые, эти мои поклонники старички?

- И все-таки, чего еще не хватает в этом портрете? – спросил я.

- Познания. Проникновения в суть изображаемого.

Она была права. Возразить тут было нечего.

От Марицы я ушел ранним вечером. Застраховался от встречи с ее супругом. Вернувшись домой, я мгновенно уснул, утомленный бурными ласками и негой. Разбудил меня звонок в дверь.

На пороге стояли два молодых человека с пухлыми папками.

- Вы художник Джибо Дорашвили?

- Да.

- Мы из либерал-христиан-национал-гуманистическо-правовой партии. Завтра напротив здания «Бактериофага» мы проводим стоячую акцию в защиту прав животных. Не желаете ли присоединиться к нам?

Я молча закрыл дверь и снова забрался под одеяло. Но сон все не возвращался ко мне. Уже неделю, в связи с энергетическим кризисом, я только и мог ностальгировать по свету и теплу. Поэтому и предпочитал теплую постель хождению по обледенелой комнате.

Марица пришла ко мне на третий день. Мой вопрос – не заметил ли кто тебя в подъезде, очень рассердил ее. Но уж очень не хотелось мне попасться на зуб сплетникам-соседям.

Теперь мы стали видеться почти каждый день. Я навещал Марицу, когда она оставалась дома одна, а если что-то этому мешало, то она приходила ко мне. Я знал, что притягивало ее в мой холодный дом – страх одиночества и равнодушие к мужу. В городе бесконечных митингов, истосковавшемся по спокойной жизни, ее настоящей страстью стало посещение литературных вечеров и выставок. Она старалась не пропускать ни одного события в мире искусства и всегда была в центре внимания. Я не мог избавиться от мысли, что во время презентаций и вернисажей мы как-то отчуждались друг от друга. Большинство людей, не разобравшись толком в свойствах личности, создают себе по первому впечатлению неотступно неверное

представление о человеке. В обществе укоренилось мнение обо мне как о человеке просвещенном, а Марица пользовалась репутацией женщины недалекой. Но должен признать, что по сравнению с Марицей я был глуп, как гусь. Меня просто наповал сражали ее познания в области философии, религии и литературы. О «Портрете Дориана Грея» Уайльда она всегда говорила не скрывая восхищения. А иногда затрагивала темы, о которых я раньше и представления не имел. И я не мог не замечать, насколько благотворно воздействовали беседы с ней на мое творчество. Постепенно я увлекся мистикой и, все глубже проникая в суть тайноведения, стал воплощать эти темы, ранее покрытые для меня завесой тумана, на своих полотнах. Столь стремительная и благотворная метаморфоза в моем творчестве вызвала всеобщее удивление. Марица вращалась в элитарных тбилисских кругах и дружила со многими известными деятелями. Благодаря ей и мой дружеский круг постепенно расширялся. И, если появлялось желание привлечь внимание к себе в незнакомой компании, я принимался сыпать направо и налево именами, бывшими у всех на слуху.

Дружеский круг Марицы составляли в основном мужчины, а из женщин — только две, любимые и с давних пор неразлучные с ней подруги. Одна — большегрудая толстушка Лана, с необыкновенно белой кожей и всегдашней радушной улыбкой, вторая — кожа да кости, с черными как смоль волосами и печальными глазами, гречанка Камилла. Я не мог уяснить для себя — как могут дружить женщины, столь разные по восприятию жизни.

Единственной из заметных фигур тех времен, с кем не пересеклись дороги Марицы, был композитор Влас Меурмишвили, приходившийся мне дальним родственником по материнской линии. Его песни часто звучали в теле- и радио-эфире, и почти каждую неделю Влас был гостем какого-нибудь ток-шоу. Своим сдобренным кахетинским акцентом юмором и хрипловатым голосом он создал харизматический образ и стал любимцем публики по кличке Кахело. С Марицей я его познакомил на празднике «Икалтоба». С тех пор всякий раз, когда Влас приезжал в Тбилиси, Марица звонила ему. Иногда они встречались. Композитору, стоявшему на пороге своего 80-летия, было неудобно появляться на презентациях и оперных

премьерах с женщиной, которая младше его собственной дочери. Уму ведь непостижимо такое издевательство над собственными сединами.

Как-то раз, зайдя на день рождения Марицы, под ее фотографией я увидел вместо нарисованного мной портрета нотный текст новой песни Меурмишвили. Сердце замерло, к глазам подступили слезы. Может быть, думал я, она вообще уничтожила мой рисунок? Я ничего не сказал ей, но праздник был испорчен. А именинница, не успев принять мои поздравления, принялась сетовать — доколе, мол, терпеть — Влас до сих пор не написал ни одной песни на ее слова. Я понял ее намек: надо поговорить с ним на эту тему, что и было сделано. Выждав с неделю, я позвонил ей и сообщил, что Влас согласен. В трубке раздалось ее радостное щебетание.

Влас Меурмишвили положил ноты перед Марицей и поставил задачу: точно посадить текст в музыкальную ткань. Марица с полмесяца промучилась, но в конце концов втиснула слова в ноты. Премьеру песни решено было назначить на юбилейный творческий вечер Власа Меурмишвили. По этому случаю Марица решила приобрести особое платье. Купила она его не где-нибудь, а в элитарном магазине светского района Ваке. Юбилейный ажиотаж в городе достиг своего пика. Билеты продавались с рук, втридорога, но для почетных гостей были отпечатаны позолоченные пригласительные. В эти суматошные дни Влас не позвонил Марице ни разу. Ее уязвленное самолюбие не допускало и мысли самой раскошелиться на билет. А пригласительного все не присылали. Марица заперлась в комнате, ни с кем не желала общаться. По телевидению началась прямая трансляция юбилейного концерта. Когда настал черед исполнения песни на ее слова, а ведущий не назвал автора стихов, Марица чуть не разнесла все вокруг и едва не швырнула вазу с фруктами в оконное стекло. Когда же эмоции отхлынули, она впала в длительную депрессию.

Шло время. Гражданская война подходила к своей кульминации. Политически неблагонадежные, с точки зрения властей, лица, и в их числе деятели искусства, тайно или явно стали подвергаться преследованиям. Их гнева не избежал и я. Все советовали мне отправиться в эмиграцию, и однажды я сказал Марице, что другого выхода не вижу. Сначала она

приняла мои слова за шутку, но когда поняла, что все это более чем серьезно, вся затряслась в истерических рыданиях.

Не прошло и месяца, как я поднялся по трапу самолета, и наши с Марицей пути разошлись.

В чужой стране я на первых порах бомжевал, потом пристроился в приют для эмигрантов, а вскоре получил место сторожа при католическом храме. Когда же меня уволили, повстречался с жалостливым польским католиком, который пристроил меня к делу: собирать отходы в целлофановые пакеты и выносить на свалку. Платили неплохо. Вот так, вдали от родины, провел я почти двадцать лет. Для опытного прозаика мои приключения за кордоном могли бы стать темой толстого романа. Как там живет Марица, удавалось узнавать редко, но все-таки удавалось. В жизни ее изменилось многое. Она стала бабушкой. Я же продолжал влечь свое существование по-прежнему бобылем.

Когда же я вернулся на родину, первым делом позвонил ей прямо из аэропорта. От волнения голос ее прерывался. А когда я нажал на кнопку знакомого звонка, дверь открыл ее сын. Я и не узнал его – вместо маленького тщедушного воробышка передо мной стоял молодой человек в самом расцвете сил.

- Мама неделю проболела, сегодня только поднялась с постели. Сейчас выйдет, - сообщил он.

Вышла Марица. Ее лицо еще сохраняло следы былой красоты. Я перевел взгляд на наши отражения в зеркале прихожей. Да, время завершило наши портреты. А там, в глубине зазеркалья, маячил в ожидании призрак смерти.

Мы прошли в гостиную. Теперь мой взгляд невольно задержался на фото молодой Марицы. Под нею вместо нотного текста Меурмишвили маячил мой портрет.

- А теперь пойдем в «Райские врата» и попьем там кофе, - неожиданно предложила Марица.

- Неудобно это, разве мы сами не можем принять гостя, - попыталась возразить ей невестка.

- Я знаю свое дело, сегодня нельзя иначе.

Супруги не скрывали удивления: как-то странно все это выглядело - пожилая женщина, только оправилась от болезни, а ведет себя так легкомысленно. Но противоречить и настаивать на своем ни сын, ни невестка, не стали.

В кафе было много свободных мест. На красовавшемся над входной дверью билборде трое бравых голливудских звезд направляли на нас пистолеты. Обстановка показалась мне чересчур осовремененной. Исчез дух старины и городской экзотики, лоск и прелесть нашего кафе.

Марица села за другой столик, напротив меня, повернувшись в профиль, точно как в то мгновение первой встречи.

- Нарисуй мой портрет, - прерывисто-умоляющим голосом промолвила она.

- Не могу, попробуем в другой раз.

- Нет, сейчас нарисуй, - интонации ее голоса были уже не просящими, а требовательными.

Я сейчас же вынул лист, разложил его на столе и принялся набрасывать контуры.

Я рисовал стремительно. Я должен был успеть похитить мгновение у вечности. Линии сами собой ложились на бумагу, словно бы желая подтвердить заветы древних китайских мастеров: одна линия передает мысль, а две – настроение.

Марица открыла сумочку, извлекла зеркальце и долго и внимательно разглядывала свое отражение. Старость черным убийцей-чудовищем вырастала над ее головой.

Портрет был почти закончен. Оставалось добавить лишь несколько штрихов.

- Прекрати! – вдруг воскликнула она, схватила рисунок и разорвала его в мелкие клочья.

БАКУРА

Автобус, шарахаясь из стороны в сторону, трясясь, тащился по разбитой, утопавшей в грязи сельской дороге. Стояла пасмурная, безликая погода. В сознании оживились вдруг давно стертые из памяти, потускневшие от времени кадры. Ничего здесь не изменилось за эти двадцать лет, только вместо деревянных заборов дворы окружали железные ограды. Автобус часто останавливался, пассажиры выходили, но никто не поднимался (новых попутчиков не было). Голые мальчишки стояли в речке и, с визгом махая руками, приветствовали кашляющий автобус. Вот так же и Мераб сызмальства сбегал из дому и плескался в речке, пока его не хватится дед, не отругает как следует и не потащит зареванного внука за шиворот домой.

Дорога к дому все сокращалась, но очень медленно, почти незаметно. Сельским пассажирам вообще-то свойственно болтать наперебой, мешая выдумки с действительностью, но теперь все словно бы онемели. Долгий путь утомил людей, всех разморило, а кое-кто и погрузился в сон.

Мераб вдруг ясно ощутил, как беспощадно пролетело время; перед ним возникли расплывчатые силуэты из прошлого. Ведь тогда он был частью этой природы, как речной камешек, лесной кустик или теленок, привязанный у коровника. Обратный отсчет времени начинался с того кошмарного дня, когда в гостиную установили два черных гроба его родителей. Мальчик запомнил их лица в деревянных рамках повешенных на стену портретов и пожелтевших, выцветших фотографий в семейных альбомах. Позже ему передали слова деда, сказанные перед похоронами: «Если я сейчас переживу это, внука моего никогда не назовут сиротой».

Мераб вышел из автобуса. И только ступил на землю, как на него нахлынуло чувство первозданности природы, такой родной и

ласковой... Он словно бы тонул в бесконечной зелени, казалось, поднимавшейся до самых небес. Тропинка была узенькой – двоим не разойтись. Человеку непривычному должно быть бы на ней несладко, но сейчас он этого не чувствовал. Вдруг он потянулся к ежевичному кусту, примостившемуся с краю, сорвал лист и вдохнул его запах. Отсюда можно было срезать путь до дому. Он переменял принятое по пути решение и решил теперь сначала навестить дом, где прошло его детство, а уж потом подняться на кладбище. Какая разница – куда сначала? Разве пустой, мертвый дом – не кладбище? Конечно, кладбище. И, может, еще более жуткое, чем пустырь, уставленный могилами. Заржавленный засов железных ворот застрял напрочь, он вынул из полуразрушенного известняка небольшой булыжник и выбил засов из гнезда. Разросшаяся во дворе трава шелестела по его коленям. Старая черешня, как видно, поваленная бурей, лежала на заборе, вминая его в землю.

Дом стоял на отлете, и никто из соседей не мог узнать о его приезде. А Мераб был бы не прочь поговорить – долгое время живя за границей, он истосковался по родной речи. Мераб поднялся по лесенке, выломал забитую гвоздями дверь и переступил порог дома. Со стены на него с улыбками смотрели мать с отцом, но веяло от их фотографий могильным холодом, и Мераб поневоле поежился.

Он провел рукой по стеклам, покрытым густым слоем пыли. Потолок был затянут паутиной. Рамы прогнили от многолетних дождей. Мераб прошел в другую комнату. Протер хромую скамью тряпкой, валявшейся рядом, и присел. В комнате стоял запах пыли и плесени. Взгляд его упал на кровать. Что это поблескивает под ней? Дедовское ружье? Мераба охватила дрожь, и он быстро вышел на балкон. Именно здесь дед всегда чистил свою охотничью двустволку. В деревне о ней ходили легенды. Дед был знаменитым охотником. Но Мераб не запомнил его возвращавшимся с добычей. В памяти Мераба дед запечатлелся стариком, у которого уже не оставалось сил охотиться.

Но старик обожал свое старое немецкое ружье и белую гончую – больше собственной жизни. Но не больше, чем Мераб. Достаточно было кому-нибудь хотя бы прикрикнуть на Бакуру, как мальчуган принимался реветь в три ручья. Всякий раз, как начинался дождь, Мераб уводил собаку в дом и сидел с ней неотлучно, хотя дед и

ругал его за это. Заветным желанием его было пойти хоть однажды с дедом на охоту, и то, о чем мечтал Мераб, часто снилось ему по ночам: дед идет с ружьем на плече. Бакура бежит впереди. Вот он учуял след. И под вечер они возвращаются с добычей. Мераба словно магнитом тянуло выйти с дедовским ружьем на балкон и выстрелить в воздух. И это желание усиливалось с каждым часом. Он мечтал, когда настанет день, и это желание исполнится. Как-то раз он решился упросить деда дать ему пальнуть из ружья, но за такую дерзость был наказан. В другой раз он тихо прокрался в комнату, но не успел открыть футляр, как на пороге появился дед и до крови отхлестал хворостиной. Боль от этой порки жила в нем до сих пор.

Мераб долго стоял на балконе, вглядываясь в утопающую в зелени деревню. И тут горькое воспоминание видеокадром всплыло в его сознании.

- Самсон, — позвал кто-то деда. Бакура залаял. У ворот стоял сосед, Ивлиан, держа на весу обезглавленную курицу.

- До сих пор я думал, что это лиса или хорек стараются. Мы, конечно, старые друзья, но...

Тут он прервался, бросил на землю мертвую птицу и, не дождавшись ответа, захлопнул ворота и ушел восвояси. Самсон молча вернулся в дом. Взял ружье, вышел на балкон.

- Дедушка, мой золотой, не убивай его! — весь в слезах, ребенок обнял собаку. Старик опустил ружье, подошел к мальчику, положил руку ему на голову, недолго помолчал, потом протянул ему двустволку и сказал: - Стреляй!

Черное дуло сверкало под солнцем. Ружье показалось мальчику невыносимо тяжелым, чуть из рук не выпало. Он весь трясся. Сердце вырывалось из груди. Голос деда заставил кровь застыть в жилах. О, как он всегда мечтал оглушить деревню выстрелом из дедовского ружья... Шли дни, он становился все шире в плечах, а худенькие руки наливались силой. И вот оно пришло, это мгновение, вот он — шанс исполнить заветное желание. Но ведь целью перед ним стоял Бакура. Искушение нажать на курок было столь велико, что стало уже непреодолимым. Палец дрожал, нажимая на спуск, и вдруг сельскую тишь разорвал надвое звук выстрела. Бакура, словно клочок белого облака, лежал у колодца.

Мераб сидел на пне, обхватив голову руками, и слезы текли по его щекам.

СЛЕЗЫ ПРЕГРЕШЕНИЯ

Ветер завывал, как загнанный в клетку зверь.

- Ты потише иди, Бекну! Не шути с дорогой, а то не ровен час сползем в овраг, и станем добычей зверей.

- Забыл ты, что ли? Нам до рассвета надо подняться в Бечо, и обратно еще вернуться.

Долгое время молчание не прерывалось. Ехали они в незнакомую деревню, в первый раз по этой дороге, и должны были быть осторожными. Извилистая и узкая, словно взметенная плетка, дорога, казалась бесконечной. Тусклое, немощное мерцание полумесяца не освещало и половины пути. Снизу, со дна оврага, слышалось журчание ручейка — будто кто-то брэнчал на расстроенном пандури.

- За опасное беремся мы дело, Бекну!

- Не надо было брать тебя с собой, робость мужчину не красит.

Джурха ничего не ответил. Да и не было смысла. Бекну шел нехотя, предчувствие чего-то страшного утяжеляло его шаги, словно шел он по нетронутomu снегу. Дня три назад они узнали, что эту территорию решили присвоить и хозяйничать на ней некие Гварлиани. Намерение озвучил Беткил, известная в роду личность:

- До каких пор эта гора будет беспризорной! И стар, и млад в восторге от нашей идеи!

Много мудрецов, правителей-старейшин и отважных воинов прославили честь фамилии Гварлиани. В возникавших в округе спорах он разбирался дотошно и во всех подробностях, и последнее решающее слово принадлежало кому-либо из их рода. Одним словом, Гварлиани пользовались безграничным уважением, их остерегались рассердить. Но в последнее время из-за нескольких сорвавшихся с катушек сорви-голов Гварлиани

эта фамилия наводила страх на все ущелье. Так что они уже изначально были здесь полноправными владельцами.

На родовых собраниях Джурха обычно сидел молча. Слова для высказывания иной точки зрения не просил – не сочли бы мол, предателем. Ничейная гора, вольная, не знавшая хозяев не стерпела бы колодок поработителя. Джурха чувствовал, что это, дело могло дойти до стрельбы, и тогда невеста какая бы кровавая карусель закружилась. По иронии судьбы именно Бекну поручили сообщить обо всем уважаемому в Бечо человеку.

Трава насквозь промокла от росы, будто только что прошел по ней ливень. Ни Бекну, ни Джурха не выказывали признаков усталости, они без отдыха продвигались по змеевидной дороге. Никто в роду Гварлиани не должен был остаться неосведомленным.

Они осторожно, чтобы не услышали соседи, постучались в двери. Хотя дом ближайших соседей отстоял так далеко, что и криком их было не разбудить. Когда хозяин, Бердо, узнал, что они пришли по тайному делу, сразу же предупредил – будем говорить шепотом, чтобы жена не услышала. Он все-таки не до конца доверял женщине из другого рода.

Секретный план заключался в следующем: сельчанам неожиданно объявлялось, что отныне хозяевами этого склона горы будет род Гварлиани. В каждой деревне ущелья назначали старосту, чьим решениям следовало беспрекословно подчиняться. Главное – взять в руки власть, а какую форму управления избрать – с течением времени станет ясно, спешить ни к чему.

Натела не спала. Подозрения ее замучили. Что за необходимость в гости являться посреди ночи? Нельзя было днем пожаловать?! Что-то важное их привело, наверное. Она чуть не лопалась от любопытства, но кто в горах даст женщине право на что-то решаться без согласия мужа. И даже когда гости ушли, она не посмела обратиться к мужу.

Раз Бердо ничего не сказал, значит, так и нужно, – решила женщина.

Гости ушли тихо, чуть ли не на цыпочках, так что в деревне и не узнали об их приходе.

Гварлиани уже тщательно готовились к распределению

обязанностей. Кто будет хозяином горы, кто — следить за порядком, а кто — разрешать спорные вопросы.

На высоком голом холме собрались люди, все как один застыли они в оцепенении. Молчание это становилось невыносимым, исполненным жути. Наспех выбранную для выступлений возвышенность первым занял Бекну Гварлиани. Подняв правую руку, он заговорил глухим басистым голосом:

- Люди! Никто из вас не сомневается, что наш род — избранный, прославленный род в этих горах. Все видят, что дальше так жить нельзя. Почему мы должны плестись в хвосте у равнинных жителей. У них же есть свой закон и устав! Одним словом, решение нашего рода окончательно и бесповоротно. Отныне гора переходит во владение Гварлиани, а жители ущелья будут подчиняться нашим законам!

Люди, никак не ожидавшие такого поворота событий, сначала растерялись. Несколько мгновений никто не знал, как ответить на эти слова. Наконец пожилой мужчина из задних рядов закричал:

- Люди! Вы что, онемели? Не понимаете, что нас хотят превратить в крепостных?!

Молодой, с раскрасневшимся от водки лицом, Гвинджия Гварлиани перебил старика-горца:

- Не вам решать, будете или нет подчиняться! Кто против нас поперет, найдутся у Гварлиани силы катком по ним пройти! Кто вы такие в сравнении с Гварлиани?!- орал поддаты Гвинджуа, которого с трудом оттащили от «трибуны».

После этого заранее спланированный порядок собрания полетел в тартарары.

- Смотрите, люди!- взывал долговязый горец с глубоким шрамом на шее. - Вот что задумали эти рабовладельцы! Сковать вольный народ наручниками, на рот — замок, на ноги — кандалы надеть вознамерились! Да мы умрем здесь как один, но свободой своей не поступимся!

- Правильно! Правильно! — раздавались отовсюду голоса.

- Наденем ярмо сейчас — век его не снимем!- закричал кто-то.

- Признайте наше господство по доброй воле, или потом пожалеете! - надменно прохрюкал Бекну Гварлиани.

- Задушим их! Ни один живым отсюда не уйдет!..- завопил

выходя из себя Джамлет Салиани.

И в мгновение ока вспыхнувшая, разъярившаяся – волос дыбом толпа бросила боевой клич:

- На части разорвем! На части! Перекройте им дорогу! С всех трех сторон! И чтоб никто живым отсюда не выбрался!

Собрание переросло в сплошной галдеж и ругань. Откуда-то раздался выстрел, и тут все это перемешалось с истерическим воплями. Первым рухнул на землю Дамзир Мургани смертельно раненый в бок. Тут народивовсеобезумел. Гварлиан струхнули, их было ничтожно мало по сравнению с толпой. Он не ожидали такого яростного, жесткого отпора. Толпа словно сжалась в один стальной кулак и в неистовстве надвигалась на противника. Голубеющая в отсветах зари, насквозь облитая росой горная долина, покрывалась гранатовыми лучами солнца. Началась кровавая бойня. Гварлиани не оказывали теперь ни малейшего сопротивления. Кусками их растерзанных тел покрылись склоны долины. Крики женщин доносились до небес и заглушали всю округу. А когда Джамлет Салиани оглядел поле битвы, оказалось, что ни одного Гварлиани в живых не осталось.

- Нет в их роду живых! Не расправься мы сейчас с ними завтра не миновать бы нам жестокого возмездия и вечного рабства!

- Прав, прав Джамлет! - кричали с головы до пят перепачканные в крови сельчане и в жажде мести продвигались к домам Гварлиани.

- Люди, остановитесь! С ума вы что ли посходили, крыша поехала?! - раздавались голоса, но никто к ним не прислушивался. В полном молчании устремился народ разнести, стереть с лица земли жилища Гварлиани. Здесь торжествовал Арес, бог войны. Ни к кому из мужчин этого рода не осталось ни капли доверия. Будто сам Танат своими холодными, ледяными руками обвивал эту гору и укладывал ее на смертный одр.

Джамлет прослыл в горах человеком непоколебимым. Его слово было тверже кремня. И напротив, жена Джамлета, Гулизар, была сама нежность, добродетель и мягкосердечие. И в семейной жизни этот мирный нрав ее уравновешивал жесткость и запальчивость супруга.

Гулизар вдруг услышала на пороге исполненный отчаяния детский крик. Она мгновенно распахнула двери и прижала к

груди плачущего ребенка. Она узнала его – это был сын Джурхи, единственный уцелевший наследник рода Гварлиани.

- Спрячь меня, тетя Гулизар, спрячь меня!- изнемогший и весь посиневший от страха ребенок трясся как в лихорадке.

- Папу убили! Дедушку убили!

- Не бойся, Не бойся! Здесь тебя никто не тронет. Не плачь. Тетя Гулизар защитит тебя, сынок!

Ребенок как будто немного успокоился, обретя столь надежное убежище. Бледную, как мел, Гулизар била дрожь, но головы она не теряла. Вмиг сообразив, что тут надо делать, она выбежала, притащила лестницу, заволокла ребенка на чердак и надежно укрыла. Больше всего она боялась появления мужа. Не приведи Господь, обнаружит он ребенка, и тогда никто не знает, чем это может кончиться. К тому же, все, что случилось с Гварлиани, до глубины души поразило Гулизар. Мысль о том, что этот род должен сгинуть без потомства, смертельно угнетала ее. Она не находила путей спасения, сил и средств, чтобы люди ее искупили этот тяжелейший грех. И каким-то внутренним слухом она ощущала, что вроде бы свободные люди назавтра становятся рабами собственного греха. Провидение небесное не оставило бы столь прискорбного деяния безнаказанным. Гора погибла бы и без ложных обвинений, ее жители и так были обречены за свои прегрешения. И Гулизар усердно молилась пред святыми образами. Рядом на кровати мирно и безмятежно спал ее маленький Бека. Окончив молитву, она почувствовала, что будто камень свалился с души. И сразу же ринулась на чердак, откуда донесся плач ребенка навзрыд.

К вечеру Джалмет вернулся домой. Гулизар побледнела, не скрывая нервозности и растерянности. И вот всхлипывания ребенка донеслись до его слуха.

- Чье это дите? – спросил он.

- Это Бека,- солгала женщина.

- Ты врешь! – Джалмет привстал со скамьи. Гулизар остановилась на пороге. Ее всю трясло. От страха она закрыла лицо ладонями.

- Ты прячешь гварлианиевского выроodka? – без обиняков спросил Джалмет. – Да как ты посмела?! Ты ослушалась всеобщего решения? Ты пошла наперекор мужу?

- Мне жаль его стало. Он просил спасения. Ну что мне было

делать? Захлопнуть перед ним двери?

- Ты хочешь, чтобы нас называли семьей предателей? Своею рукой лишу я его жизни! — заорал до предела разгневанный Джамлет и с перекосившимся лицом двинулся к чердаку.

- Меня убей сначала! — завопила женщина так отчаянно, что Джамлет отступил, пораженный.

По законам гор это было непредставимым. Всегда уступчивая, покорная мужу Гулизар вдруг преобразилась. На ее идолоподобном лице явственно читалось, что ребенка на заклятие она не отдаст. Джамлет остановился, поняв, что противиться Гулизар лишено смысла. Молнией блеснула в уме его коварная мысль — рассказать обо всем сельчанам, а уж против их воли женщина будет бессильна.

Выслушав Джамлета, почти все как один заорали: решение принято, и оно не будет меняться! Смерть ему!

Из окна Гулизар увидела, как толпа двинулась к их дому.

- Выдай нам ребенка, все равно заберем его силой и приведем приговор в исполнение!

Женщина почувствовала, что остановить горцев будет невозможно. Уму непостижимое злодеяние, смертный грех должен был свершиться на ее глазах. С перекошенным от ужаса лицом подбежала она к ложу уснувшего мальчика, выпростала руку его из-под одеяла, прижала к груди... В глазах ее потемнело и, чтобы не упасть, Гулизар прислонилась к стене. Потом упала на колени перед иконой, окончив молитву, она поднялась с колен, взяла на руки спящего ребенка и, прижав к груди, с трудом, пошатываясь, спустилась с лестниц. Представ перед обезумевшей толпой, не в силах сдерживать слезы, она прерывающимся, едва слышным голосом произнесла:

- Возьмите, чего просили...

- Цыпленок Гварлиани! — заверещал кто-то и в мгновение ока озверевшая толпа утолила жажду мести так, что и не разобралась, кого в действительности лишила жизни.

Вечерело. Жуткая мгла тихо, коварно окутывала окрестности. Трудно было бы решиться припозднившемуся путнику пройти вдоль разинувшего пасть оврага, по крутой горной тропинке. И как могла медленно скользящая где-то на краешке небесного шатра тусклая луна дарить свет земле, отягощенной великим грехом?

ИСТОРИЯ ПТИЦЫ И ВОЛКА

Заключение медицинской экспертизы оказалось настолько неожиданным, что изумило всех без исключения. После вскрытия тела было установлено, что сердце покойного исчезло. Но почему же именно с этим несчастным случилось то, чего не бывало от сотворения мира, недоумевали родня, друзья и соседи, и даже падкие на сенсации журналисты. Впрочем многие не верили: что-то тут нечисто, быть такого не может, чтобы у живого человека вдруг пропало сердце, ну просто сгинуло без следа... Служители церкви восприняли это событие как знамение Апокалипсиса, шутники упражнялись в остроумии, врачи не уставали повторять, что столкнулись с новой, неизвестной доселе болезнью. А он лежал посреди своей однокомнатной квартиры, на старой, колченогой и расшатанной тахте, и, если не знать заранее, никто бы, войдя, не подумал, что перед ним лежит мертвое тело. Складывалось впечатление, что он не умер, а просто скрылся от людей, за что-то на них обидевшись и решив принять обет пожизненного молчания. В дни, предшествующие похоронам, только и говорили о покойном, в мельчайших деталях вспоминая каждую подробность из общения с ним. Действительно, кем же, человеком какой причудливой судьбы был Гурам Саникидзе, почему же именно на его долю выпало это невообразимое приключение?

В тот год лето выдалось невыносимо знойным. Даже старики не могли припомнить ничего подобного. По городу ползли слухи один другого ужаснее, и люди с перепугу просто превратились в комок нервов. Город напоминал бурлящий на огромном костре котел, в котором варились люди. Казалось, что всевышний решил показать человеку ад еще при земной его жизни. Гурам был уже в ином мире и, разумеется, его совершенно не волновало, что сограждане задыхаются и тонут в собственном соку.

Даже ведущие специалисты ни на йоту не проникли в тайну исчезновения сердца. В конце концов, прибывший из Канады кардиолог, с помощью новейшей медицинской аппаратуры, установил: «Сердце было съедено». Удивление все нарастало, потому что на рентгеновских снимках отчетливо были видны очертания человеческих зубов. Интерес к этому феномену рос, как снежный ком, любые, даже самые незначительные сведения из биографии покойного, подхватывались мгновенно и жадно. На его письменном столе было найдено весьма странное произведение, которое на следующий же день было опубликовано в «Литературной газете»:

«Был у некой Женщины любовник-Птица. Прилетит, бывало, в мгновение ока сомкнет на ней крылья, подхватит – и устремятся они в стремительный полет... В конце концов, его явления стали столь часты, что Птица и Женщина перенеслись в небеса, а что творилось на земле, и не ведали, да, по правде говоря, Птицу и Женщину это и не интересовало... Как-то раз Женщина подумала: «В городе Волк – любовник всех женщин, с какой это стати я предпочла небо? Если бы жизнь в облаках была слаще земной, разве женщины предпочли бы волков птицам? Долго размышляла она, и как-то вечером заявила Птице:

- Либо ты перевоплотишься в Волка, либо между нами все кончено...

Растерявшийся и уязвленный, Птица едва решился спросить:

- А зачем?

- Затем, что Волк – сильный, а мне не нужен любовник-слабак.

- Да, но откуда тебе известно, что волки сильнее птиц? – в недоумении спросил Птица, и этим вопросом вконец разгневал Женщину.

- Как, разве это неясно?

- Но кто из нас быстрее – волки или птицы?

- В полете? Конечно, птицы! Кто ж видел летающих волков? – изумилась Женщина.

- А если волк ополчится на птицу, сможет ли он настигнуть ее и убить?

- Нет, – мгновенно ответила Женщина.

- Так почему же волки сильнее птиц?

Тут и Женщина растерялась. Этот простой на первый взгляд вопрос оставался без ответа. И после долгой паузы,

обрадовавшись, что нашла достойный аргумент, воскликнула:

- Волк настолько могуч, что может сожрать любого человека, а птицам это не под силу...

- Да, это правда,- признал Птица, и вдруг, в единый миг, превратился в Волка.

В смертельном страхе Женщина закричала:

- Неужели ты перегрызешь мне горло?

- О, нет, любовь моя, как могла ты подумать такое,- он улыбнулся, оскалив белые клыки. — Я не убиваю близких, мне по вкусу только чужое мясо...

И Женщина успокоилась. Шли дни за днями. Женщина уже и позабыла о Птице, да и времени на размышления не оставалось. Волк наваливал груды задранную дичь и добытые разбоем сокровища; делу Женщины стало невпроворот. Нередко дневные заботы настолько увлекали в кипящий водоворот, что и взглянуть в поднебесье не успевала она. Из дня в день дом обрастал новыми пристройками. И Женщину это так восхищало, что иных хлопот она и не желала. Порой на клыках возвращавшегося домой Волка виднелись следы крови, а Женщина тщательно и с нежностью отбеливала их. Но по-настоящему досаждало во всем этом одно неудобство — клыки у Волка были настолько огромны, что во время ласк, не по его воле, впивались в тело Женщины. Поначалу боль была почти не ощутимой, да женщины и переносят боль легче мужчин. Удивительнее было другое — неприятное, резкое ощущение возникало не в теле, а в сердце. И чем больше времени проходило, тем больше прибывало страданий, тем тяжелее становилось испытание. И вот уже при каждой ласке сердце ее пронзала невыносимая боль. И терпению ее пришел конец. И однажды смиренно сказала она:

- От ласк твоих болит у меня сердце.

- Что ты говоришь? - изумился Волк. - Я ласкаю тебя не затем, чтобы сердце твое болело, а чтоб сладость оно испило...

Скоро Женщина так ослабла от страданий, что даже лучшие лекари и лекарства не помогали ей. Светила искусства врачевания в один голос утверждали, что она не выживет. Когда же начались дни агонии, Птица затосковал по тем временам, когда влетал в ее дом, в мгновение ока смыкал на ней крылья, и бросались они в полет по небесным просторам. И Женщина — чего бы только не отдала она, чтобы вновь испытать те минуты

блаженства... Но стоял перед ней бурый облезлый Волк с окровавленными клыками. А того, голубоглазого Птицы не было нигде, он умер или исчез... Женщина пала на колени и молила Всевышнего вернуть ей Птицу.

И внезапно Волк обратился Птицей. От нахлынувшей радости Женщина не знала, что и делать... А потом не выдержала и разрыдалась:

- Что сделал ты со мной? Почему погубил? Зачем скормил ты Волку сердце мое?!

- Нет в том моей вины. Ты сама сделала выбор...

- О, что мне может помочь теперь, что же?!

- Уже поздно...

- Прости меня,- выдохнула Женщина и застыла на крыльях Птицы».

В ЯМЕ

Тамаз распластался на попорченном, вздутом паркете и с безжизненным выражением лица смотрел на голую, растрескавшуюся штукатурку потолка. Заключенные галдели без умолку, каким-то нестройным хором. Время будто бы застыло и окоченело. Предметы лишились своего первоначального значения. Вот уже третий день как его с Нариманом бросили за решетку за распространение прокламаций и радикальные призывы к свержению власти. Нариман слишком уж распетушился и настаивал на силовом вторжении во вражеский стан. Хотя Тамазу сердце подсказывало, что решаться на это не следует. Теперь он понимал, как жестоко ошибся, доверившись-таки заверениям друга. Жизненные силы постепенно покидали его исхудавшее тело. При виде арестантской пайки его начинало тошнить. К тому же Тамаз почти не спал, разве что днем его исподволь одолевала дремота. Тамаз верил в неизбежность рока. Поэтому и смирился с обрушившимся на него несчастьем легче, чем Нариман.

Ежедневно в камеру заталкивали все новых и новых задержанных, избитых до полусмерти. Из-за тесноты в камерах всех воров и бандитов выпустили на волю, а их места заняли политзаключенные. Для них тюремная администрация разработала особо жестокий устав. За малейшее неповиновение начальник тюрьмы имел право на месте расстрелять провинившегося. В таких условиях заключенные мало чем отличались от роботов. Они беспрекословно, импульсивно выполняли любой приказ. Тамаз осознавал, что волей-неволей придется принять угрозу гибели в любую минуту как новую реальность. И он заставлял себя заставлял себя соблюдать правила, как и другие заключенные, все мысли которых сводились к одному: как бы выжить физически и вырваться из

этого ада.

Вспыльчивый по натуре, Нариман никак не свикся с жесточайшим тюремным режимом. Тамаз предупреждал его: возьмишь за ум, пока не поздно – оступишься хоть по мелочи, и тебя тут сотрут в порошок. Многолетняя дружба обязывала их, неразлучных с детства, стоять плечом к плечу и поддерживать друг друга.

В ту ночь Нариман заснул только под утро. Ему снились родная улица, отчий дом, худенькая, как спичка, супруга и дети. Как они теперь далеко... Время разорвалось надвое – бесцельно и бессмысленно. С восходом солнца Нариман слышал сквозь сон нестройный хор заключенных. В какие-нибудь две минуты арестантов выстроили в шеренгу во дворе. Наримана среди них не было. У начальника тюрьмы, проводившего перекличку, от гнева запрыгали брови. Ледяным голосом он вновь выкрикнул фамилию Наримана. Тамаз побледнел. Арестанты заметно нервничали. Начальник тюрьмы резко развернулся и скрылся в бараке. Нариман спал сном младенца. Встав над его изголовьем, начальник двинул Наримана сапогом по плечу. Нариман встрепенулся и захлопал ресницами.

- Прохлаждаешься, сукин сын! – заорал начальник.

Нариман, еще не очухавшийся спросонья, ничего не отвечал, растерянно протирая глаза.

- А это тебе добавка, умойся! – и начальник плюнул в лицо Нариману.

Еще не понимая, в чем дело, Нариман инстинктивно размахнулся и вмазал в ребро своему мучителю. Начальник тюрьмы закачался, подался назад и прислонился к стене. С искаженным от злобы лицом он выхватил из кобуры револьвер. Еще секунда – он нажмет на курок, и все будет кончено. Нариман мгновенно понял: этот ни перед чем не остановится. Но тут начальник тюрьмы опустил оружие и жестом указал Нариману на выход. По губам его, растянутым в иронической улыбке, Нариман догадался, что этот зверь задумал нечто коварное и ужасное.

- Следуй за мной! – приказал начальник. Нариман молча подчинился. Глядя на них, вышедших во двор, заключенные со страху нарушили строй. У Тамаза потемнело в глазах при виде друга в смертельной опасности.

- Ты! Выйди из строя и марш за нами! – рявкнул начальник, тыча пальцем в Тамаза.

Ни тот, ни другой и в толк не могли взять, что задумал этот злобный царек. Неизвестность вселила в них чувство животного страха.

Выйдя из ворот тюрьмы, они проделали долгий путь, пока начальник не подвел их к вырытой на пустыре яме в человеческий рост.

- Прыгай! – как бичом хлестнул он, становясь у груды земли на краю ямы, где валялась лопата. Нариман рухнул на колени и заныл, вымаливая прощение.

- Выполняй, а не то башку разнесу вдребезги!

Нариман со стоном соскользнул в яму. Начальник тюрьмы перевел взгляд на Тамаза и зашипел:

- Закапывай!

Тамаз стоял как окаменевший и шагу не ступил к лопате.

- Забрасывай его землей, сукин сын, или прикончу!

И вновь Тамаз не двинулся с места. Пауза, повисшая в воздухе на несколько секунд, показалась друзьям вечностью. Нариман, вскинув голову, широко раскрытыми глазами смотрел на друга. В этом взгляде смешались изумление и ужас. Начальник тюрьмы навел на Тамаза револьвер и повторил:

- Закапывай!

Тамаз отрицательно мотнул головой. Испуг на его лице сменился теперь гримасой ненависти.

- Вылезай! – приказал начальник Нариману. – Ты свободен.

Тот ловко выбрался из ямы.

- А ты прыгай! – неожиданно повернувшись к Тамазу, зловеще процедил он сквозь зубы.

- Закапывай! – все тем же ледяным голосом приказал он почти потерявшему рассудок Нариману.

Времени на раздумья не было. Решение надо было принять не мешкая. Нариман перевел взгляд с Тамаза на начальника тюрьмы. Медленно, неуверенно взялся он за лопату, показавшуюся необыкновенно тяжелой. Она едва не выпала из его рук. Но радость обретенной жизни перехлестнула все остальные чувства. Первые комья земли посыпались в яму... И вскоре он уже заработал споро и бесперебойно. Начальник тюрьмы смотрел на все это равнодушно. Тамаз уже начал

задышаться.

- Прекрати!

Нариман вздрогнул и в растерянности уставился на начальника.

- Марш наверх! – вновь раздался скрипучий голос изверга.

С трудом преодолев гнет земли, Тамаз выполз из ямы.

- Быстро снова в яму! Выгребай землю! – прикрикнул он на Наримана.

Тот вновь упал на колени и принялся целовать грязные сапоги, заклиная подарить ему жизнь. Начальник тюрьмы сунул дуло ему в рот. Нариман мгновенно прыгнул в яму и принялся выгребать землю.

- Закапывай его! – спокойно сказал начальник Тамазу. Тот замер, по телу его забегали мурашки. Он задержался, как повешенный, но успокоился быстро и с застывшим, каким-то потусторонним лицом, взялся за дело.

Здоровенные комья земли с глухим стуком падали на голову Наримана. Долго слышались его плач, мольбы и стенания, пока не оборвал их последний предсмертный хрип.

В КУПЕ

Гизо боком перешагнул порог купе. До отправления поезда времени оставалось с гулькин нос. Он вынул из-за пазухи журнал «Наука и жизнь» и пристроил его на столике рядом с «дипломатом». В купе стояла страшная духота. Он торопливо расстегнул пуговицы на сорочке и вдруг поймал в дверном зеркале собственное изображение. Вынул из кармана гребешок и зачесал остатки волос со лба к затылку. В последнее время это вошло у него в привычку: где ни увидит зеркало, непременно должен привести в порядок волосы, да так, чтобы плешь была скрыта как можно тщательнее. Медленно, с кряхтением и пыхтением, поезд тронулся. Гизо вышел в коридор. В соседних купе пассажиры успели уже перезнакомиться. Сказать по правде, сейчас он был меньше всего расположен к пустопорожней болтовне. Он приспустил вагонное стекло. С удовольствием подставил лицо врывавшимся порывам холодного ветра. Потом закурил, извлек блокнот; он давно взял за правило – когда назавтра дел набирается выше крыши, накануне составлять план. Вдруг он представил себе, как смешно выглядит у окна купе с блокнотом в руках. «Наверно, встречные думают – поэт с приветом», – усмехнулся он про себя. Да, сегодня дел переделано немало... «Когда на производстве аврал, никакой Лабадзе тебя не заменит», – уверял его директор. Но в конце концов, пусть со скрипом, но согласился. «И все-таки сколько раз за эти три года приходилось мне идти на попятную», – думал Гизо, равнодушно глядя на пробегающие мимо деревья, дома и линии электропередач. – Начатое дело надо довести до конца, они ведь не верили, не скрывали скептицизма, похихикивали втихаря – какое, мол, время ему о диссертации думать, а я все-таки сдал кандидатский минимум. Еще чуть-чуть и защищу диссертацию. Зарплата зарплатой, а директор уже в двух шагах

от пенсионного порога. Да и «наверху» на него «косятся». И тогда... Есть ли кандидат, достойнее меня? Пусть, пусть потом смеются! В первый же день уволю Бондо, чтоб намотал на ус, каково это - мошенничать с начальством... Одна лишь мысль о том, что Лаура станет его личной секретаршей, всколыхнула приятную дрожь по всему телу. Вскоре поезд остановился, редкие пассажиры засновали по платформе. Услышав детский плач, он обернулся.. В вагон поднималась женщина с детьми. Мальчик, лет трех-четырёх, путался у нее в ногах. Одной рукой женщина прижимала к груди младенца, в другой держала чемодан и с трудом продвигалась вперед, оглядывая номера купе. «Ко мне идет,- подумал Гизо и похолодел от страшного предчувствия.- Поди теперь, попробуй, отдохни в такой компании».

Он не ошибся. Женщина остановилась у дверей купе Гизо, присмотрелась к номерам и втиснулась внутрь. Мальчик за ней не свернул, а побежал вперед.

- Мамука, вернись сейчас же, куда ты!- низким голосом позвала женщина.

-«Приехали, начинаем концерт»,- подумал Гизо. Мальчик ухватился за входную дверь вагона и тряс ее, пытаясь вырваться. Гизо подбежал к дверям. Мягко, не встречая сопротивления, увел ребенка в купе.

- Спасибо, как мы вас побеспокоили... Все они, сорванцы, такие...

Она говорила это про старшего, в то время как младенец вопил во всю глотку.

Он тянулся пальчиками к столику купе, женщина ритмично покачивалась, стараясь его убаюкать, но плач был слышен даже в соседних купе. Грудничок разошелся не на шутку. Гизо догадался, что он тянется к журналу, и протянул младенцу «Науку и жизнь». Постепенно затихая, плач сменился любопытством, и ребенок, изумленно причмокивая губками, не сводил глаз с надписи на обложке.

- Профессором будет, - пошутил Гизо.

- Дай-то бог, - улыбнулась женщина.

Мамука возился у вешалки над нижней полкой, пытаясь что-то оторвать, но скоро это занятие ему надоело. После долгих стараний взобравшись на верхнюю полку, он попытался

перебраться на столик. Тогда Гизо осторожно подхватил его и спустил на пол. Ребенок и на этот раз не протестовал. А потом настолько расхрабрился, что вознамерился взобраться ему на колени. Мать рассердилась. Гизо улыбнулся – ему понравилось упорство малыша. Освоившись, ребенок уткнул свои пальчики в ладонь Гизо и давил изо всех сил. Час был поздний, и глазки у него закрывались. Своими золотистыми кудряшками он напоминал принца с картинки из книжки. Мать осторожно перенесла уснувшего ребенка, устроила на подушке. Казалось, только сейчас она заметила, что в купе стоит страшная духота; сняла с себя дождевик. Гизо невольно изумился; женщине было не больше тридцати. Узкие слабые плечи и волосы цвета воронья крыла, изящно отброшенные назад – прелестная получалась картина... Хотя по мозолям на ее руках легко было понять, что она привычна к тяжелой работе. Мамука уже спал без задних ног, и женщина давно клевала носом. Собрав силы, она принялась стелить простыню. Гизо вышел в коридор. Вернувшись в купе, лег на аккуратно постеленную попутчицей постель и мгновенно сбросил с себя груз усталости минувшего дня. И, покуда сам не погрузился в сон, все умилялся – как нежно, в обнимку, спят все трое... Утром его разбудили резкие звуки отодвигаемых дверей купе. Женщина была уже на ногах и будила Мамуку. Гизо посмотрел на часы. До пункта назначения оставалось часа два.

-Вы сходите?- спросил Гизо.

-Да,- ответила женщина.

Только что пронувшийся Мамука спросонья едва удерживал равновесие, раскачивался, стоя на полке, как тростник на ветру. Поезд замедлил ход и через некоторое время остановился.

- Я вам помогу,- сказал Гизо и, не дожидаясь ответа, схватил чемодан.

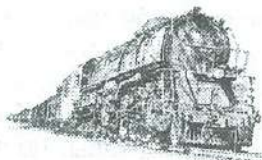
А потом, из окна вагона, он смотрел, как высокий чернявый мужчина прижимал к груди всех троих и, подхватив Мамуку, усадил его себе на плечи. Гизо стоял у окна, пока они не скрылись из виду.

Он вернулся в купе. И сразу же заметил, что женщина забыла соску грудничка. На полу лежал, раскорячив обложку, так и не прочитанный журнал «Наука и жизнь». Гизо вдруг вспомнилась его неухоженная однокомнатная квартира, вещи, годами не

менявшие мест. Скоро уж двадцать лет, как единственным узаконенным и принятым правилом для него была одинокая жизнь, жизнь для себя самого. Половина ее ушла на пустые бытовые проблемы, корпение над диссертацией и бег по ступенькам карьерной лестницы. Кадры вчерашнего вечера никак не исчезали из памяти. Ведь вчера он почувствовал себя в такой теплой, почти семейной обстановке. Точно он не припоминал, но у Проспера Мериме была фраза вроде «все бы отдал, только была бы у меня дочка с золотистыми локонами». Он снова выглянул в окно. Перестук колес раздавался, казалось, все громче и отчетливее. Поезд на всех парах неся к конечной станции.

Утром он должен зайти к ученому секретарю, потом повидать оппонентов, потом — на кафедру, к научному руководителю, и так далее, и так далее...

Но сейчас он думал не об этом.

МАТИКО

Вечером зазвонил телефон. Трубку взяла моя мама.

- Алло! Алло!..- побледнев, она обернулась к нам.- Помощи кто-то просит, вроде бы голос Матико.

- Господи, доченька!..- бабушка залилась слезами.

Отец схватил трубку, в мембране царил гробовая тишина.

- Моя вина, надо было хоть раз за эти месяцы навестить ее,- покаянно заключил отец.

- Поехали,- сказала мама решительно.

Мы сбежали по лестницам. Ветер бил нам в лицо взметенными с улицы листьями, преграждая путь.

Двери открыла нам папина сестра.

- Ты звонила?- с порога выпалила мама.

- Да нет, телефон поврежден, - недоуменно ответила моя тетушка.

Растерявшись, мы стояли, словно воды в рот набрав. Да уж, комедия получилась на славу.

Тетушка засуетилась, накрыла стол. Меня отправили за шампанским. Засиделись за полночь. Вспоминали былые времена, сняли с гвоздя гитару, зазвучали любимые песни.

Настало время прощаться. Ветер поутих. Звездное небо обещало завтра хорошую погоду. Мы вышли на стоянку такси. Но машин не было видно.

- И какой это бедняга взывал о помощи?! - печально проронила бабушка. Ответом ей было какое-то неловкое, тяжелое молчание. Мать с отцом стояли спиной друг к другу.

В ДОРОГЕ

Мужчина ковылял по щебню утопавшей в грязи дороги. Идти было так же трудно, как по непроторенному снегу. Он поднял воротник плаща. Заложил руки в карманы и даже головы не поворачивал в сторону тащившейся позади женщины. В одной руке женщина несла зонт, а в другой – сумку. Судя по походке, ей было лет до сорока.

Дождь шел беспрерывно, даже не думая прекращаться и выматывая нервы до ниточки. Дорога была пустынна. Лишь изредка прогрохочет мимо тяжело нагруженный грузовик – и снова все застывает в неподвижности.

Они свернули направо. Перешли через мост, выложенный бетонными плитами. От дождя воды в реке прибыло. Теперь уже они шли рядом. Так же молча, как и раньше. До кладбища было еще далеко. Дождь все усиливался.

- Отдохнем, - попросила женщина.

Ее спутник, будто и не расслышав, продолжал путь. Не прошли они и ста шагов, как у подъема в гору заметили вдалеке двух мужчин, спускавшихся навстречу с холма.

В руках у них были мотыги и лопаты, и они оглушительно хохотали. Никаких сомнений – эти люди возвращались с кладбища. «Могильщики, наверное, - забросали землей могилу, близкие угощение оставили, вот они и угостились», - подумал про себя мужчина.

Он не ошибся. Подойдя поближе, путники узнали Ушанги, высоченный, худой как жердь, с крючковатым носом, - как его было не узнать, но если в горах даже легкий туман, разглядеть трудно даже знакомые лица. «И тогда тоже он могилу засыпал», - продолжал беседу с самим собой мужчина.

- Вы давно из города приехали? – спросил Ушанги.

- Сегодня, - безразлично ответил мужчина.

- Что поделаешь, не встретили мы вас хорошей погодой, - явно желая завязать разговор, разглагольствовал Ушанги.

- Ох, какое угощение испоганило это ненастье, - вмешался в разговор другой могильщик, низкий и коренастый, со щеками, раскрасневшимися от вина. Одна штанина у него была заправлена в сапог, а другая торчала наружу.

- Кого хоронить будут? - спросил мужчина.

- Алекси... Квижинадзе. Еще денек - и слизнет с лица земли человека...

- Пойдем, - сказала женщина.

Больше они никого не повстречали, и в пути ничего не случилось - вот разве что женщина дважды поскользнулась и, если бы спутник вовремя не подхватил ее, могла бы ушибиться.

А дождь все никак не кончался. Вдвоем навалившись на кладбищенские ворота, они с трудом высвободили вход. Тропинки разбегались в разные стороны. Они пошли по одной из них. С тех пор, как они были здесь в последний раз, на кладбище произошли разительные перемены. Началось строительство канатной дороги. «Заявляются сюда туристы хреновы, толпа разношерстная, святые места наши оскверняют. А кому до этого дело? Как строили, так и продолжают строить. А по краям все новые и новые могилы роют. И сколько их за три года прибавилось - да еще все молодые помирают... Могилы в большинстве своем были выложены черно-белыми плитами. Царившую вокруг тишину нарушал только шум нескончаемого дождя.

Женщина вдруг вся затряслась. Она вынула платок и утирала слезы. Мужчина изо всех сил старался оставаться внешне спокойным. Они свернули направо, на тропинку, почти невидимую глазу, и, миновав ее, увидели старушку в черном. Лопатой она набрасывала комья земли на могилу.

- Гига, сынок! - заголосила женщина.

Перед их взором предстал белый мрамор надгробия с портретом ребенка с гладко расчесанными волосами. Мутные потоки воды текли через железную ограду, угрожая размыть могильный холмик. Старушка вновь застучала лопатой, прокладывая канавку для отвода воды. У женщины помутилось в глазах. Мужчина усадил ее на цоколь. Немного погодя она пришла в себя.

Теперь они втроем, вымокшие до нитки, пытались уберечь могилу от дождевых потоков. Часа через полтора дождь прекратился. Из туч проклюнулось солнце.

Уже почти смеркалось, когда они собрались в обратный путь.

- Не знаю, слов не могу найти, как я вам благодарна, дорогая Мариам! Всякий раз под дождем... Всякий раз под дождем – представить себе только! - все повторяла, как заклинание, женщина.

- Ничего, ничего... Пока душа в теле, присмотрю я за могилками... Одно лишь покоя не дает – никого из соседей у меня не осталось. Даже Антон, я ж его как сына родного вырастила, и тот в город собрался переезжать.

- Дом он еще не успел продать? – вдруг оживился мужчина.

- Нет, - ответила старушка. – Говорят, не нашел подходящих покупателей.

Они долго благодарили старушку. Обещали ей сторицей отплатить за хлопоты. Дойдя до моста, они распрощались.

Мужчина и женщина вновь побрели одни по дороге. Когда они подошли к сельской площади, мужчина остановился, печально обвел глазами затихшую деревню... Сердце екнуло, в груди разлилась боль, тяжелая и холодная, и постепенно растеклась по всему телу. Он передернулся, будто бы наткнувшись на медузу. После недолгой паузы он сказал прислонившейся к платану женщине: - Я должен написать заявление. Ухожу с работы. Женщина посмотрела на него в недоумении, но лицо ее сразу стало серьезным; почему? – она не спросила, все было ясно и без слов.

ИЗМЕНА

Я шел впереди и нутром ощущал, как она семенит, пытаясь поспеть за мной. На один мой шаг приходилось ее два. Я все пытался натянуть кепку пониже на лоб. Маико вся тряслась. То ли от холода, то ли от страха. Вся улица была погружена в беспросветный, тошнотворный мрак. Царила невыносимая, жуткая тишина, словно ночью на глухом кладбище. Палили то одиночными выстрелами, то вдруг заряжали надолго. Редкие припозднившиеся прохожие передвигались короткими перебежками. Иногда я останавливался, прятал ее тщедушное тельце под полою плаща, прикладывал ладонь к ее ледяному лбу и спрашивал:

- Тебе страшно?
- Нет, - отвечала она и вымученно улыбалась.
- Тебе холодно?
- Немного.

И снова мы продолжали путь, мечтая, как согреем друг друга в постели.

Но, словно издеваясь над нами, дорога никак не кончалась, страх и холод превратили ее в катящийся клубок ниток...

Перед моими глазами движущимся кадром, как на видеопленке, постоянно маячило: Маико вертит ключ в замочной скважине, еще несколько секунд – и мы в ее комнате, я поднимаю ее на руки и целую в губы.

- Отпусти меня, - смеется она, - дай отдышаться.

Я спешно запираю дверь.

- Сейчас найду спички.

- Не надо. Свечу зажечь? Вскипятим чаю, согреемся...

- Нет. – говорю я. Осторожно беру ее на руки и укладываю в постель.

Закончится же когда-нибудь эта улица, и надо будет свернуть

налево. Одолеем небольшой подъем, а там – бетонные лестницы. Вспоминаю, как ровно месяц назад пошел первый снег, а ночью он замерз и превратился в блестящее ледяное зеркало. Тогда, остановившись перед ступеньками, Маико почему-то очень серьезно сказала: - Возьми меня под руку, но если ты упадешь, знай – никогда больше не стану встречаться с тобой. Не знаю, что загадала она в ту минуту, но помню, с каким сердечным трепетом я благополучно достиг последней ступеньки. Я крепко поддерживал ее за локоть, и чувствовал, что исполнение загаданного, да и вся ее судьба, находятся в эти минуты в моих руках.

Вот и этим вечером мы подошли, наконец, к бетонной лестнице. Рядом, из киоска, какие-то вооруженные автоматами типы выносили бутылки шампанского. Их ждали визгливо смеявшиеся в «Жигулях» девицы. Из магнитофона разносились звуки дешевой песенки, давно прожужжавшей всем уши.

Не успели мы пройти и нескольких шагов, как погруженный во тьму квартал внезапно вспыхнул электрическим светом.

Ууу! – взорвались дома радостным воплем. Еще секунда, и город, погруженный во мглу, встрепетул и ожил, будто воскресший из мертвых. Жажда жизни вернулась к нему.

Лифт в подъезде, конечно, не работал. Мы почти бегом поднялись по лестнице и... оторопели, заметив свет в дверном «глазке».

- Я отлично помню, что утром, выходя, выключила свет, - сказала изумленная Маико.

Дверь в это время распахнулась, и на пороге появился парень лет двадцати пяти.

- Гела! – закричала Маико и бросилась в его объятия. – Познакомься. Это мой брат. А это Заза, -представила она меня. – Случайно на улице встретились. Он сказал, что страшно мне будет бродить в такой темноте – и проводил.

- Пожалуйста, - пригласил меня парень.

- Спасибо, но уже поздно, - растерявшись от неожиданности, ответил я. Торопливо попрощался с уже стоявшими в прихожей братом и сестрой и устремился вниз по лестнице.

- Слава богу, минувшей ночью ты что-то писал. А то я уже стала забывать, что ты у нас писатель, - сказала Медико, сунув нос в разбросанные на столе листы и погрузившись в чтение. Я не отводил от нее глаз. Медико всегда с каким-то детским любопытством, с волнением и чувством гордости читала каждую мою новую рукопись. И была по-настоящему счастлива, когда что-то ей действительно нравилось, а если такового не находилось, печалилась столь же искренне. Теперь же она с небывалым интересом вчитывалась в новую рукопись, да так, что потеряла всяческий контакт с внешним миром.

Я видел, как поминутно напрягалось ее лицо, и в душе появились дурные предчувствия. Любопытство одолело меня, и я невольно скосил глаза на собственные черновики:

«Я шел впереди и нутром ощущал, как она семенит, пытаюсь поспеть за мной. На один мой шаг приходилось ее два...». Кажется, она что-то поняла. Настроение, и без того плохое, стало теперь хуже некуда. Единственное, что меня выводило из себя в общении с Медико — это ее тибетское ясновидение — от этой женщины ничего невозможно было скрыть, и — по ниточке — от нерва к нерву — изучила она меня как облупленного. Медико встала, молча, не глядя, сложила рукопись в стопку и прошла на кухню. Я слышал, как она открыла и закрыла кран и принялась чистить картошку. Нет, такого раньше не бывало — всякий раз, по прочтении новой рукописи, она с ходу высказывала свое мнение. А теперь женская интуиция подсказала ей — это не выдуманный рассказ, в его основе лежат реальные события. Проснулась малышка Теона. — Мамаа! — таким слабеньким голосом позвала она, что Медико и не расслышала. Зато захлопал ресницами мой сын Ачиго, и детские голоса нарушили воцарившееся в доме неловкое молчание.

- Мне нужно на работу, дело там неотложное, - нашел я выход из положения. Жена ничего не ответила. Я быстро переоделся и через десять минут уже был на улице. Измученный народ стоял на подступах к станции «Варкетили», в ожидании, когда заработает метро. Разнесся слух, что сотрудники забастовали. Забастовки тогда были делом обычным и никого удивить не могли. На душе у меня кошки скребли, и никаких сил моих не было оставаться наедине со своими мыслями. Я смешался с толпой, где всюю

бушевали жаркие политические диспуты, и с разных сторон раздавались жалобы на житье-бытье. Какой-то дядька средних лет наградил собеседника подзатыльником за альтернативные политические высказывания. Милиции нигде, конечно, не оказалось, и разнимать повздоривших пришлось случайным прохожим. — Совсем с ума посходили, скоро передушат друг друга, — покачала головой старушка, стоявшая рядом со мной. — Не обойтись здесь без кровопускания, кого прикончить надо, кого — пинком под зад вышвырнуть, и не мешкая. Не решимся на это — хуже будет. — сказал как отрезал мужчина лет шестидесяти, у которого на лице стояла печать большого стажа на начальственных должностях. Спустя несколько минут метро заработало. В открывшиеся двери хлынул мощный людской поток. Я оказался в самой его гуще. Сзади и с боков на меня давили с такою страшной силой, что я начал задыхаться. Не в силах противиться этой могучей волне, от беспомощности я возненавидел себя. В памяти замелькали телевизионные кадры похорон Сталина, когда одуревшая, осатаневшая толпа, в припадке фанатизма прижала крайние ряды и размазала людей по кремлевской стене. От мысли, что я могу быть так же размазанным, душа ушла в пятки. Наконец меня чудом вынесло к эскалатору. Так, претерпев сполна все мучения, к полудню появился я на работе. Начальника на месте не было. В такой ситуации, разумеется, и сотрудники все разбежались кто куда. Осталась одна старенькая бухгалтерша Александра. Но сейчас мне было явно не до сплетен и пересудов с ней. Я прошел в свой кабинет и присел на диван. Слегка побаливала голова. И все-таки, как, каким это загадочным женским чутьем Медико все раскусила? — не давала мне покоя навязчивая мысль. И чем глубже я вдумывался в эту головоломку, тем больше понимал, что женское чутье тут ни при чем. Я вспомнил свой роман, который начал писать года три назад, да забросил в самом начале, и о существовании которого уже совсем было позабыл. Хотя тогда я оставил неизменными даже имена прототипов этого незаконченного романа, потому что мне всегда казалось, что ничто так не выражает характер личности, как имя.

Вчерашняя рукопись — продолжение моего заброшенного романа. И, как видно, Медико мгновенно поняла это. Теперь меня уже распирало любопытство — не терпелось вернуться

домой и засесть за рукопись.

Я запер кабинет и вскоре вернулся в родную обитель. Сердце захолонуло – никто меня не встретил. Медико сложила вещи в чемоданы и ушла. Как помешанный, я схватил телефонную трубку и набрал номер тещи. В мембране раздался голос жены. Я спросил почти умоляющим голосом: - Объясни мне, что все это значит? Почему ты ушла?

- С сегодняшнего дня у тебя нет семьи!..

- Чтоо?! Как это?! – голос мой сбился на крик. Но в трубке раздавался только прерывистый зуммер.

С утра голова у меня раскалывалась, будто со страшного похмелья.

- Ты с чего это вдруг всю ночь бредил моим именем? Неужто так меня любишь? – услышал я из смежной комнаты голос Медико. И тут радость осознания того, что все это был сон, захлестнула меня и привела в чудесное расположение духа. Сердце от счастья просто рвалось из груди. Я заглянул в спальню. Теона и Ачико мирно спали.

- Алло! – услышал я голос Медико. – Это какая-то женщина. Тебя спрашивает, - обернулась она ко мне.

Я услышал знакомый голос.

- Это с работы звонят, - сказал я очень уверенно и серьезно. Открыл дверь и пошел на свидание с Маико.

ИНДИКО

Последний червонец, остававшийся от зарплаты, у Индиго стянули из кармана на праздничной ярмарке, и домой он вернулся без гроша. Индиго не оказался бы в таком затруднении, когда бы по осени не получал по два-три приглашения на свадьбы. В Гурии достаточно лишь раз пообщаться с человеком, чтобы счесть его достойным приглашения на торжество, и Индиго не был исключением. А на свадьбу полагалось денежки дарить, и немалые. Глядя на пригласительные открытки, он обычно с грустью думал: «Вам-то счастье, а мне – дырка от бублика». Иногда он и не мог вспомнить, кто его приглашает, но считал неудобным отказаться. В последнее время, однако, Индиго взялся за ум и, если приглашение исходило от людей, не слишком близких, себя заботами не обременял.

По окончании педагогического института юный Индиго обил все пороги, но работы так и не нашел.

- И до каких пор должен я кормить этакого верзилу? – чуть не каждый день попрекал Диомид незадачливого сына.

И вот однажды Диомид узнал, что сына его друга назначили заведующим отделом райкома. Такого шанса упустить он, разумеется, не мог, и вот уже: «Разузняйте, где есть вакантные места, и я помогу», - обнадежили Индиго в райкоме.

Целый год прошел в расспросах, поисках и сомнениях. В конце концов было обнаружено два освободившихся места – завскладом нефтебазы и методиста Дома культуры. Завотделом райкома провел с Индиго собеседование, чтобы разобраться – на что он способен, и пришел к выводу: «Этот несчастный не то что со складскими делами управится – он и подаренные деньги до дому не донесет». Понятно, что это злчное место надо было приберечь для человека ловкого, чтобы и завотделом оттуда капало. – Работа на складе не для педагога, - сказал чиновник Индиго.

Через три дня Индико стал сотрудником Дома культуры. В выделенном ему кабинете протекала крыша. Ходить по полу тоже надо было осторожно – приноровиться к каждой досочке, иначе можно было провалиться в подвал. Хромой стул и колченогий стол тоже никуда не годились, и Индико вынужден был перетащить мебель из дому. Помещение не отапливалось, и вслед за столом и стулом из дому ему пришлось приволочь еще и электрокамин. Однажды, в честь устроенного Домом культуры мероприятия, Индико принес из дому горшки с цветами, графины и посуду для традиционного угощения.

В тот день, по окончании мероприятия, порывом ветра распахнуло окна, и гости в испуге вскочили на ноги. Торопясь захлопнуть окно, Индико побежал, споткнулся о чью-то ногу, не удержал равновесия и, падая, попытался схватиться за стол. Но попытка не удалась. Индико потянул за собой скатерть, и накрытый стол оказался на полу. Узнав об этом, Диомед завопил: - Погубит меня этот непутевый! – и снова побежал в райком. Старый знакомый уже продвинулся по службе и возглавлял местный орган власти.

- Помогите мне, прошу вас по-отечески, мы же с вашим отцом старые друзья. Ничего у него с той работой не получилось, разорил семью вконец. Никогда в жизни не видел я подобного – из дому все на работу тащит!

Через месяц Индико перевели на работу научным сотрудником в краеведческий музей. Через некоторое время он женился. Молодая семья пополнилась малышкой – красавицей Нуцико и, глядя на нее, люди старшего поколения дивились: «Копия Индико в детстве».

Как-то раз, возвращаясь с праздничной ярмарки, Индико, расстроенный непомерными расходами, прокрался в дом с черного хода и, тут же улегшись в постель, предался невеселым размышлениям, когда к нему заглянул сосед Андро.

- Удивляюсь – чего вы тут сидите, ворон считаете, или газет не читаете?

- С чего ты взял? – обиделся Индико.

- Ты что, не чувствуешь, что время изменилось? Посмотри, что вытворяет Хахутия! Или вон, через три дома, Манучар Тутберидзе... А ты что, рыжий? Открой кооператив, тебе что, сто рублей в день в тягость?

- А справлюсь я? И каково это – мне, Индико Никошвили, торговать пуговицами и носками!

В дверях появилась супруга Индико, Натия, краем уха услышавшая этот разговор.

- Слушай, Андро, наставь его на путь истинный, он же все на свете в шутку обращает. Ладно, я потерплю, но ведь ребенка-то надо растить! Это сейчас ей бутылочки молока хватает, а как подрастет?! Я три года одно и то же платье ношу, стыдно уже в нем на людях появляться – что на свадьбах, что на похоронах...

- Не доверяю я этим кооперативам, не ясно вам, что ли?

- Ну давай начнем только, а если дела не пойдут, бросим все к чертовой матери, не от нас это разве зависит?

Индико задумался, слова жены постепенно начинали укладываться в его сознании.

- Ладно, начнем, я не против, но с чего начнем? Нужны же деньги для раскрутки...

Натия уже загодя расспросила людей опытных и с ходу выпалила:

- Ссуду возьмем в банке.

- Да, но в прошлом году мы уже брали эту треклятую ссуду, шифером крышу перекрывали. И что теперь, долг на долг накладывать?

- Придется, другого выхода нет. Попробуем. Да стань ты наконец мужчиной, возмись за дело! Чего бояться?!

Индико закурил.

- Тогда разберемся – что будем открывать?

- Блок питания откроем. Ты – поставщик. Яйца, масло, мука... А я буду пирожные печь.

- А потом сядем и съедем за чашкой чая, так, что ли? И это ты называешь кооперативом? Нет, это не мой уровень, надо найти что-то достойное моего интеллекта. Оригинальное что-то, чем никто еще вокруг не занимается.

- И что это мы должны за Америку открыть, которую никто не открывал?! Так и скажи, что от дела отлыниваешь! – разозлилась Натия.

- Я подумаю.

С тех пор, много вечеров подряд, эта тема стала главным предметом семейных обсуждений.

Индико махнул рукой на службу. Ему было тошно от одного

только взгляда на застывшие, покрытые пылью экспонаты. Особенно на фигуру замученного революционерами Степко Инцкирвели. Все его мысли были о будущем кооперативе.

Однажды, у городской парикмахерской, он встретил ближайшего друга Зазу.

- Кооператив думаю открыть, что посоветуешь? – спросил после горячих приветствий Индиго.

- Ты что, серьезно?

- А то!

- Какой кооператив?

- Да вот не решил пока.

- Слушай сюда. Только никому не говори, а то умыкнут идею как пить дать! Купи воздушные шарики, обыкновенные, по пять копеек штука. Надувай их, рисуй по бокам солнышко и продавай в городском парке копеек эдак за двадцать. А теперь посчитай, сколько ты их понадуваешь с утра до вечера?

- Тыщу штук как минимум.

- А какой у тебя барыш? С каждого шарика ты имеешь 15 копеек чистыми. Умножаем на 1000. Это будет... 150 целковых. Ну как, нравится?

- А как меня будут люди называть?

- Индиго – надуватель.

Тут Индиго распетушился.

- Ты что, издеваешься? Я думал, ты дельное посоветуешь что-нибудь. А ты... – резко повернувшись, Индиго пошел прочь. Домой он явился мрачнее тучи.

- Ну что нам делать? – спросил он жену. – Не успевая рассказать о нашей задумке, как даже Заза принялся издеваться.

- Заза? Нашел тоже ума палату. Ты давай связывайся с деловыми людьми. Отец мой, как узнал – что мы задумали, тут же сказал – пусть обязательно меня повидает.

Тесть с зятем уселись во дворе на табуретках, посреди некошеной травы.

- В этом деле лучшего советчика, чем я, тебе не найти. Ты человек культурный, интеллигентный, образованный. И начать ты должен дело, достойное себя. Я думаю, тебе пристало бы открыть передвижной механический видеосалон, и к тому же первый во всем районе...

- С завтрашнего же дня приступлю к делу, – без раздумий

согласился обрадованный Индиго.

Как и ожидалось, дело с самого начала пошло не как по маслу. Разрешение на открытие салона должен был выдать исполком. А заместитель председателя исполкома, ведавший этими вопросами, человек, голова которого лежала на плечах, как арбуз на блюде, внимательно выслушал Индиго и сказал:

- Бумагу выдали бы без проблем, если бы не одно обстоятельство: ждем постановления сверху. Как только получим его, в тот же день вопрос будет решен.

Преисполненный надежд, Индиго ждал вызова в исполком до того самого дня, когда увидел в самом центре города видеосалон, открытый Зеро, сыном бывшего прокурора области Бежара Чхирадзе. Как видно, влияния своего прокурор, хоть и бывший, не утратил.

- Я ему покажу! Я на него найду управу! Заберу свою документацию и пожалуюсь куда надо! – горячился Индиго.

- Успокойся. Другие пути отыщем. Может, так лучше будет для дела, – успокаивала его Натия.

- Что, взятку дать, что ли?

- При чем тут взятка? Подарок дорогой тоже подойдет.

- А где деньги на подарок взять?

- У Андро одолжим. Хотя погоди, погоди... – Натия радостно всплеснула руками. – На свадьбу нам друзья сервиз подарили немецкий. Вот его и подарим, тем более и повод есть – они недавно новоселье справили.

- Хорошо, попробуем, – согласился Индиго.

На другой день, кряхтя и задыхаясь, Индиго с трудом дотащил тяжеленный сервиз до дверей квартиры заместителя председателя исполкома. Взятку он давал впервые в жизни и заметно волновался. Сердце бешено колотилось, когда он нажимал на кнопку звонка. Дверь открыла хозяйка дома.

- Я Индиго Никошвили, доброжелатель вашей семьи. Поздравляю вас с новосельем. Это – маленький сувенир от меня, на память – теперь уже Индиго чувствовал, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

- Спасибо, ну зачем вы беспокоились...

- Ну как же, как же, напротив...

Это «напротив» было ни к селу, ни к городу, но главное – он что-то ответил. – Позвольте. Я занесу его...

- Нет, зачем вам самому утруждать себя. Вот водитель наш занесет. Како! – позвала женщина. – Большое спасибо, - обернулась она к Индику.

- Не за что, сударыня, это такие пустяки, - на ходу выпалил Индику и стремглав сбежал по лестницам.

И чего он только волновался, эта дама приняла подарок спокойно, как должное, а он-то думал, придется уговаривать... Видал, как у этих начальников шоферня наготове по домам рассажена... Правду говорит народ... хоть бы для приличия поцеремонилась чуточку, - думал Индику.

Натия не на шутку перепугалась, узнав, что заместителя не было дома.

- А если она утаит от него сервис? Что же тогда, погибли мы...

- Это исключено, - отрезал Индику. – Хотя в глубине души и его точил червячок сомнения.

Через три дня Индику вызвали в исполком и вручили разрешение на открытие передвижного механического видеосалона.

Весь коллектив кооператива состоял из трех человек: председатель, конечно же, Индику. Технический администратор его школьный друг Авто Курдгелашвили и кассир Натия.

Провели они и первое открытое собрание. Надо было определить план действий на будущее. Постановили:

1. Приобрести видеоманитофон.
2. Сеансы проводить в залах вместимостью не менее 300 человек. При этом каждые 50 зрителей обеспечить одним цветным телевизором. Плюс один резервный, на случай выхода из строя основного.
3. Поставка кассет. Эту часть работы вменить в обязанность Андро Курдгелашвили.
4. Арендовать, за неимением собственного транспорта, автобус у Дома культуры.
5. Провести переговоры с директором типографии насчет печатания афиш.

Помимо этого, необходимо было уладить еще ряд мелочей, имевших, тем не менее, решающее значение для дела. Одна из них – ремни для закрепления техники во время переездов. На ухабистых горных дорогах телевизоры без ремней попадали бы и поразбивались.

Кооператоры приступили к делу на следующий же Телевизоры надо было оформить в рассрочку. Опять незе – Курдгелашвили потерял паспорт. Сбились с ног в поисках пяти человек, кроме Натии и Индиго, на которых надо оформить телевизоры. Но в конце концов, с грехом поп удалось решить и эти проблемы. Индиго решил наз кооператив «Волшебное зеркало-5»; звучание этого назв очень нравилось ему. А по-домашнему свое детище прозвали «ВиЗи-5». Почему пять? А потому что до того чет грандиозных проекта Индиго потерпели сокрушительный к. Поначалу он увлекся дельтапланеризмом. В то время каж солнечный и безветренный день приводил его в чудес расположение духа. И хотя наяву планы его не осуществили в мечтах он все-таки налетался вдоволь.

Потом Индиго заболел режиссурой. Живший по соседс режиссер обещал ему свою помощь, но вскоре он перебра на жительство в другой город, и с его отъездом интер Индиго к театральной деятельности остыл без надежды выздоровление. Третья попытка найти себе применение бь связана с защитой диссертации. Битых три месяца протирал штаны в центральной московской библиотеке и проштудиров чуть ли не все диссертации и авторефераты, посвященн формам национальных традиций, а часть из них старатель переписал. Но потом он женился, мало-помалу столкнул с тысячами бытовых проблем, и стало уже не до науки. наконец, четвертое увлечение было связано с приездом некое каратиста, который открыл в районе специализированную школ Индиго записался в эту школу, прошел конкурс, и только чере год убедился, что каратист не каратист, а настоящий аферист. вот пятая идея – кооператив «ВиЗи-5», на открытие которого ушл два месяца хлопот и нервотрепки. Почти сразу же новоявленные кооператорам пришлось столкнуться с малоприятным сюрпризом. А именно: в селах, куда они приезжали с «гастролями» у одного или двух местных жителей оказывался-таки видеомагнитофон и видеосалоны росли как грибы. Афиши местные «продюсеры» писали наклюявленными карандашами, кассеты передавали из рук в руки, и дело у них спорилось.

Индиго впал в уныние. По его сведениям, сел, не охваченных видеотехникой, оставалось в округе только три, да и те высоко

в горах. Но назад пути уже не было. Во-первых, долгов неуплат, а, во-вторых, гордость не позволяла признать свое поражение.

Справедливости ради, надо признать – в первые дни денежки текли пусть и не широкой рекой, но и не хилым ручейком. Рабочий день начинался в семь утра, а заканчивался поздней ночью.

Но уже спустя неделю, когда передвижной механический видеосалон раскрутился, зарядили дожди, и количество зрителей на сеансах заметно поубавилось. Индиго то и дело устремлял взоры свои в небеса, молясь. Чтобы, наконец, прояснилось. Ночью, когда падавшие с ног от усталости супруги засыпали, не донеся голов до подушек, им все грезилось сцены из видеофильмов.

– Ихтиозавр, Индиго, Ихтиозавр! – вскрикивала во сне Натия, и Индиго в ужасе подскакивал на постели и, как мог, успокаивал жену. Потом они долго не могли заснуть. Женщине снова снились всплывающие из пучин морских ихтиозавры, которые последовательно и с аппетитом откусывали ей уши, затем нос, выгрызали глаза и так далее.

Мужу снились бои карате. Брюс Ли, его приемы и полеты. – Кыя! – кричал Индиго глубокой ночью и резким движением ноги сбрасывал жену с постели. А утром они вновь садились в автобус и отправлялись в путь.

Спустя некоторое время в двух из трех неосвоенных еще деревень тоже открылись «видюшники». «ВиЗи-5» оказался на грани катастрофы. И тут кто-то принес Индиго печальную весть: и в единственной оставшейся деревне на мази открытие видеосалона.

Члены кооператива собрались на второе, как выяснилось, заключительное собрание. На повестке дня стоял единственный вопрос: ликвидация кооператива «Волшебное зеркало-5». Для принятия решения требовалось по уставу простое большинство голосов.

Слова попросил Индиго Никошвили:

– По моему мнению, будет целесообразным с сегодняшнего дня объявить кооператив «Волшебное зеркало-5» закрытым.

Курдгелашвили молчал, как покойник. И даже Натия ничего не ответила своему суженому, с которым поклялась идти по

жизни до гробовой доски.

Неделю спустя Индику вновь вызвали в исполком. Инструктор с побагровевшим от ярости лицом отчеканил: - Плохо, отец плохо ваше дело. Кто давал вам право закрывать кооперативы? Вам известно, что мы не получали указаний сверху о порядке закрытия кооперативов?

Индику горько усмехнулся — о чем, мол, с тобой после этого говорить — резко встал и захлопнул дверь кабинета.

Позже всех о крахе кооператива узнал Диомед. Он в тот момент как раз читал в местной газете некролог последнего ветерана коммунистической партии. Сидя в любимом кресле Диомед предавался горестным размышлениям о том, что все долги кооператива окажутся теперь на его шее.

- Чтоб я тебя больше не видел в моем доме, отцеубийца, разрушитель семьи! — заорал Диомед, заведя на пороге понурившегося Индику.

КОРОЛЕВСТВО АРИМАНА

*Когда же дракон увидел,
что низвержен на землю,
начал преследовать жену,
которая родила младенца
мужеского пола.*

Откр. 12, 13

Среди высоких снежных вершин раскинулось королевство, правителем которого объявил себя Ариман. И с тех пор страну Орби* стали называть не иначе, как Страной Страданий. Приближенными короля стали всемогущие слуги — пройдохи, рабски преданные хозяину. Большинство из них были чужеземцами, что вызывало ропот негодования среди подданных. Ариман брал в ближайшее окружение только тех, кто уже запятнал себя преступлением, чтобы заручиться их беспрекословным подчинением, под страхом, что им припомнят старые грехи и упекут в темницу.

Некогда Страна Орби, как ее называли прежде, была мощным государством, известным всему белому свету. Ныне она пребывала в запустении; население толком и не ведало, из каких краев явился на их землю Ариман. «Был бы он из нашего роду-племени, разве поверг бы свой народ в такую беспросветную нищету?» - все твердили люди.

Особым влиянием в Королевстве Аримана обладал Министр Страха и Опасности, с лица которого не сходила масляная улыбка. Его подчиненные раскинули по стране сеть доносчиков, в обязанности которых входило разноухивать и докладывать обо всех сторонниках и противниках Аримана.

Сровнялось полвека, как Страной Страданий правил

Ариман, но преемника его все не было видно на горизонте. Если кто в Стране Страданий был замечен в амбициях занять престол наглеца живо отправляли на тот свет. Власти стоявшего на пороге 90-летия Аримана не угрожала ни малейшая опасность.

Однажды к Ариману явилась вещунья и сообщила ему «Скоро у одного из твоих слуг родится мальчик, который станет властелином этой страны». Разгневался Ариман. Среди жен его приближенных одна лишь Мариам ждала ребенка. Она была богомольной и добродетельной женщиной. Король приставил к ней несколько царедворцев в качестве наблюдателей и пригрозил под страхом смертной казни доставить ему новорожденного. Ариман желал самолично убить младенца. Женщина разгадала кровавый умысел Аримана и рыдала беспрерывно, не зная, как найти пути к спасению. Слуги сочувствовали ей, но никто не решался предложить свою помощь. Уже на сносях Мариам соткала парчовое покрывальце, а разродившись, завернула в него младенца. Откуда ни возьмись, в светлицу налетели голуби. Они ухватились клювами за покрывальце и, пока ошеломленная челядь не опомнилась, выпорхнули в окно. Стражники выбежали во двор и подняли крик.

Услышав шум, на балконе появился король со своими приближенными. Но он лишь проводил взглядом голубей, растаявших в небесной синеве. Разъяренный Ариман казнил всех стражников, а Мариам приказал навеки заточить в темницу, куда не проникали солнечные лучи.

Прошло время. Сын Мариам, нареченный Георгием, подрос. Ангелы рассказали мальчику, как голуби унесли его в поднебесье и в память об этом чудесном спасении подарили Георгию парчовое покрывальце. Он спрятал драгоценный дар за пазуху, возблагодарил ангелов и отправился на поиски родной земли.

Долго ли, коротко ли был его путь, а пришел он однажды в разоренную страну. Дома, дворы, сады в той стране были отданы на волю божью — они погрязли во мраке нищеты. Но юноша заметил неподалеку единственный ухоженный дом с цветником и старушку, поливавшую георгины. Старушка пригласила Георгия войти и спросила, каким ветром занесло его в эти края? «Я ишу страну, откуда голуби унесли меня в поднебесье», — ответил юноша. Опечалилась при этих словах

старушка. «Жили тут у нас раньше голуби, но ничего они мне об этом чуде не рассказывали. Они влетали в открытые окна и наполняли любовью наши сердца. И люди были добрее, и любили ближних своих, и за родными могилами ухаживали, и храмы не пустовали. Но с севера наша страна граничит с огромным непроходимым лесом, в котором царствует двуглавый орел и где господствуют хищные птицы. Они постоянно врываются в наши дома, разбойничали и уничтожали наших голубей. Мы защищали их, открывая окна и впуская голубей в дома, а хищников разгоняли палками, пока они не убегали обратно в свой дремучий лес. Возненавидел голубей двуглавый орел лютой ненавистью. И задумал он черное дело, чтоб лишить нас света их любви. Созвал он стаю коршунов и обратил их в голубей. И черными были души тех оборотней, и поселил он в них зла великое множество. И когда мы радостно распахивали окна, влетали в дома превращенные в голубей коршуны, и пропитывались сердца молодых и стариков ядом ненависти».

- Но как же ты спаслась от яда этого, бабушка? – спросил Георгий.

- В тот день, когда появились оборотни, я не открыла окно, а выйдя в сад, вдруг заметила, что люди изменились. Сбившись в кучки, они шли навстречу друг другу, и глаза их сверкали огнем враждебным. А оборотни преследовали, рвали на части и терзали клювами добрых наших голубей. Лишь часть из них спаслась тогда и укрылась в чужих краях. Те же немногие, кто уцелел здесь, не могли подниматься в небо, и, чтобы выжить, должны были оставаться на земле.

Прощаясь, старушка наделила Георгия частицей голубиной любви из глубин сердца, перекрестила и сказала:

- Я уже состарилась, а ты еще молод; береги мой дар, он тебе пригодится.

Выйдя из калитки старушкиного сада, Георгий не мешкая приготовился к битве с коршунами-оборотнями. Но люди, разгадав его намерения, закричали:

- Он хочет погубить голубей!

- Держи его! Вяжи его!

С трудом вырвался Георгий из окружавшей его разъяренной толпы и, устремившись вперед, выбежал на тропу, ведущую к непроходимому лесу. Тут неожиданно-негаданно издали

появилась огромная птица, молнией летевшая на него мгновение ока. Георгий метнул копьё, и птица рухнула на тр с подбитым крылом.

- Не убивай меня, я тебе пригожусь!

- Если помочь мне хочешь, укажи, где живет двуглавый ор

- Пройдешь лес, подойдешь к скале, на вершине скали гнездо орла — злого волшебника, - ответила птица.

- В чем тайна его колдовской силы? — спросил юноша.

- В гнезде двуглавый орел прячет адский жезл, в том же кроется его сила.

Георгий оторвал полу своей чохи, перевязал пт подраненное крыло и отправился дальше. Теперь он ц осторожно и, преодолев чащобу, приблизился к скале, верши которой укрывали облака.

Чем выше поднимался он, тем быстрее слабел. И тог Георгий вспомнил о даре старушки. Призвал он к свету той люби взмолился, и вдруг ощутил такую легкость в теле, что, казалос стал невесомым. Подъем теперь не представлял труднос При свете луны и звезд видел Георгий все приближающее орлиное гнездо. И с первыми лучами солнца он достиг вершин

Чтобы до времени не попасться на глаза орлу, юнош спрятался в полупещере. Ждать пришлось недолго - вскор послышался шелест огромных крыльев и вой ветра. Двуглав орел покружил над гнездом и устремился к лесу. Тогда Георг вышел из укрытия и вынул из гнезда колдовской жезл. В т же миг чародей почуял неладное и оглянулся назад. Георг стоял на самой макушке скалы, и жезл переливался в его руке под лучами солнца. Вне себя от ярости устремился двуглав орел на юношу, но, пронзенный брошенным копьём, он упал н землю бездыханным.

Победитель злого чародея спустился со скалы. Тепер путь его лежал обратно, к коршунам в голубином обличье. Приблизившись к ним, Георгий поднял жезл, и лже-голуб вновь обратились в коршунов. Пораженные увиденным люд переводили взгляды то на Георгия, то на коршунов. Но, вскор придя в себя, народ выплеснул на хищников всю ненависть скопившуюся в душе.

Началось всеобщее ликование, и лишь Георгий стоял задумавшись.

- Что печалит тебя? — спросили люди.

Георгий вынул из-за пазухи сотканное Мариам парчовое покрывальце.

- Я ищу страну за облаками, куда меня унесли голуби.

- Это, наверно, королевство злого Аримана, страна, опоясанная семиглавым драконом. Но прежде чем ты достигнешь ее границ, тебе придется пройти страну Зазеркалья. Будь осторожен — там легко погибнуть.

Георгий поблагодарил народ, попрощался и вышел на дорогу к Зазеркалью.

Чудесная природа, приветливые и красивые люди, жемчужные водопады произвели неизгладимое впечатление на юношу. Но на лицах людей лежала печать грусти. Потому что всему этому великолепию грозило уничтожение. Правитель Зазеркалья опаивал свой народ магическим зельем. Тот, кто делал глоток из кубка с этим зельем, забывал свое прошлое ремесло: портной принимался плотничать, столяр брался печь хлеб, пекарь начинал заниматься зодчеством, зодчий становился уличным торговцем, торговец становился везирем, и так далее.

Все отщепенцы: лоботрясы и неумехи провозглашались доками своего дела, а честным людям, истинным знатокам, места в этой стране не находилось. Они были погружены в пучину забвения, и делалось все, чтобы никому не пришло в голову вспомнить об их существовании.

- Почему вы так печальны? — спросил Георгий у собравшихся вокруг него людей.

- Что сказать тебе? — с такими словами выступил вперед некий почтенный старец. — Несчастья наши, сынок, начались с тех пор, как город опоясал дракон о семи головах. И каждая голова его правит одной могучей страной. Даже солнце собой заслоняют эти головы. Когда дракон просыпается, из пасти его вырывается пламя, и все семь стран вместо солнечных лучей освещаются этим огнем. И в каждой из этих семи стран царят мир и благоденствие. У нас же нет ни того, ни другого. Драконьи головы время от времени присасываются к нашим полям и долинам, пашням, садам и огородам и питаются соками их. Они устанавливают нам законы. Их голосами мы поем и под их музыку пляшем. Старики еще хранят традиции и обычаи предков. А молодежь пошла к ним в услужение, не

нужна ей наша благословенная страна. Теперь вот от голода и не продохнуть. И если огнедышащее чудовище не сумеет окончательно нас добить, на помощь ему придут наши же дети. Скоро мы превратимся в страну стариков. Уйдем – и с нами уйдет отчизна наша.

- Несчастный вы народ, - вздохнул Георгий.

Не открыл им юноша своего имени, попрощался и отправился на бой с драконом.

Долго искал он чудовище, и наконец на берегу прозрачного озера увидел он раскинувшиеся драконьи головы. Встал юноша над чернеющей пастью оврага, последнего препятствия на пути к драконьему логову. В долгом пути к этому оврагу днем укрывался он за буграми и валунами, а ночью, при свете луны, быстро приближался к нему. Наступил новый рассвет, и продравшее глаза чудовище, при виде идущего на него соперника, вскинуло, исходя злобою, все семь своих голов. Но не успело оно опалить юношу пламенем, как Георгий поднял волшебный жезл. И тут же дракон съежился до размеров ящерицы, и тут же Георгий разрубил его напополам и сбросил в овраг. В тот же миг мрачный тот овраг превратился в цветущее поле.

Теперь путь Георгия лежал в Королевство Аримана. Едва переступившего его границы, Георгия обступили испуганные люди. «Скорей покинь нашу землю, юноша, - разом заговорили они. – не дай бог – заметят тебя ариманисты, и окажешься ты в нашей шкуре.

Георгий спросил о голубях. При их упоминании люди тяжело вздохнули и ответили:

- Эх, с тех пор, как голуби унесли сына Мариам в облака, мы их в глаза не видели.

Георгий вынул из-за пазухи парчовое покрывальце и развернул перед толпой. Тогда люди узнали его.

- Это он, сын Мариам! Сын Мариам! – раздались радостные голоса.

И тут на небе, откуда ни возьмись, появились голуби. – мы ждали твоего явления и поэтому вернулись. Мы унесем тебя обратно, - сказали голуби.

Крепость сторожило множество воинов в доспехах. И вдруг открылись огромные врата. С благою вестью голуби слетели к

Мариам. — Радуйся, Мариам, сын твой вернулся!

В радостном порыве выбежала Мариам навстречу Георгию и обняла его, плача от счастья.

Скоро они покинули крепость и направились к царскому дворцу. Не скрывая восторга, народ валом валил на улицы, приветствуя его. Министр Страха и Опасности узнал о прибытии Георгия еще до того, как он переступил границы Королевства. И с тех пор они с Ариманом ломали головы — что предпринять? О гибели семиглавого дракона им тоже было уже известно. Тут еще и магический кубок короля на глазах терял силу и уже не действовал на людей. Перепуганные прислужники короля попрятались по кустам, скрываясь от народного гнева.

Ариман велел своим приближенным уничтожить Георгия, но при виде поднятого жезла король и его министр обратились в зверей, обретя свое истинное обличье.

- Они звери, оказывается, они звери! — кричали люди в изумлении.

Георгий ворвался в царский дворец, Ариман и его министр в ужасе прижались друг к другу. И тут же волшебный жезл превратил короля в волка, а министра — в крысу. Георгий пронзил их обоим мечом и швырнул в разведенный под дворцовыми окнами костер.

Сына Мариам венчали на царство. Народ ликовав, и в небе страны Орбети плескались праздничные флаги.

МАНИ, МАНИ, МАНИ

Всей семьей мы навалились на подоконник и что было мочи вопили: «Помогите! Помогитее!!» В проезжавших автомобилях люди, наверное, спешили по неотложным делам и не обращали на нас внимания; никто и не притормозил даже. А пешеходов собралось – не сосчитать. «Что случилось, вас что, убивают?!»- кричали нам снизу. «Деньги нам нужны, деньги!»- еще истощнее, страдальчески вопили мы. Толпа на улице растерялась, решили, что мы чокнутые, и стали было расходиться. Но в нашем крике было столько страдания, столько мольбы, что потянувшиеся было в разные стороны люди остановились – сначала старик, весь в черном, с палочкой, еле слышным голосом, словно кот, мякнул: «Я денег хочу!», и девочка, что рядом с ним стояла, пробормотала: «Денег мне дайте!» А там и притулившийся к ним двухметровый дядька проревел, словно раненый медведь: «Деньги хочу, деньги!» В конце концов, чаша терпения переполнилась, и толпа в один голос заорала: «Де-нег! Де-нег!» И это оказалось настолько неожиданным, что наши голоса потонули в крике толпы. Воодушевленные такой поддержкой, мы продолжали орать до хрипоты. И рев этот докатился до соседних районов, потом и дальше, и наконец весь город истерически скандировал эти два заветных слова.

Проснулся я от того, что жена трясла меня за плечо. Спросонья перепуганные дети дрожали, словно выброшенные из воробьиного гнезда птенцы.

- У тебя что, крыша поехала, ты же весь корпус на уши поставил. Господи, только этого не хватало, теперь и ночной бред пожаловал... Детей как бы с ума не своротил. У меня и так невроз разгулялся, хожу как полупомешанная... – она встала, зажгла свет, дала мне снотворное и наказала: давай, зажмурь глаза и не болтай, может, заснешь, знаешь ведь, как бессонница

пагубно действует на детей...

Часа через два-три я услышал шепот Лейлы:

- Ты спишь?

- Нет!

- И как тебя не волнует, что мальчик уже неделю не ходит в школу.

- Так пусть пойдет.

- У него подошвы на туфлях оторвались, босиком пускать его в школу, что ли? Самолюбия у него больше, чем у тебя, позорник!

- Ну что мне делать, ни к Бахчоянам не могу я пойти деньги одалживать, ни к Рафику, и на том спасибо, что за старые долги меня не душат... Знать ничего не знаю! Хоть перевернись, а деньги раздобудь!

- Да знал бы я, где их раздобыть, к стоматологу пошел бы. Одолела меня зубная боль, иногда завывать да на стенку лезть хочется.

Наш спор разбудил Гогиту.

- Спать не даете! Сейчас вы успокоитесь у меня.

Он вскочил с кровати, включил магнитофон. «Мани, мани, мани», - запели шведские поп-звезды. Текста мой сын, конечно, не понимал, но танцевал от души, можно было подумать, что он владеет целым миром.

ГОЛУБОЙ ЦВЕТOK

Нини встрети́лась с Мирианом в саду оперного театра, не старом, привычном и любимом месте. Это были дни, когда силы лета иссякали, а осень наступала вкрадчиво и мягко. Они купили цветы и поднялись в старый тбилисский двор на плато Мтацминда, в гости к Нуцико, дочери известного художника. Не успели отзвучать приветствия, как в комнату прошлепал низенький пузатый мужчина лет шестидесяти. Голова его сливалась с туловищем, что придавало незнакомцу сходство с тюленем.

- Мой гость из Москвы, - сказал хозяин и придвинул толстяку стул. Нуцико не успела начать знакомить их - вошедший сам представился.

- Я московский анекдотчик, Артем Захарыч Праксин.

О существовании такой профессии Нини и Мириан до сих пор не ведали.

- Я и книгу анекдотов издал, - с гордостью добавил Артем Захарыч. Он говорил с хрипотцой, часто прерываясь, как это свойственно астматикам.

- Вы сами сочиняете анекдоты или используете народные? - поинтересовалась Нини.

- Разумеется, народные. Хотите, расскажу мудрый анекдот?

- Анекдот и мудрость? - не скрывала удивления Нини.

- Ни в философии, ни в религии, ни в литературе не встретите вы такой мудрости, как в анекдоте. Хотите пример? - и гость рассказал известный всей России анекдот.

- Каково, а, каково? - трясся от смеха Артем, пыхтя, как чайник. - Вам ведь понравилось?

- Смотря в какой компании расскажешь, - пожала плечами Нини.

- Всюду, и среди ученых, и среди писателей, и среди политиков

— я всех знаю, - продолжал без устали бахвалиться Праксин.

- Нуцико — просто чудо! — заявил он поостыв. — Лучшее живописное полотно господина Вахтанга, - добавил он и погрузился в молчание.

Нуцико воспользовалась минутной паузой и представила Артему своих друзей.

- Нини — мастер по гобеленам, а Мириан — живописец.

- Между прочим, я знаком с выдающимся художником Дурмишханом Цередиани. Он мой близкий друг. Господин Дурмишхан — ректор Российской Академии художеств и весьма влиятельная в Москве личность. Я могу устроить выставку гобеленов Нини в Колонном зале Кремля, где проходят вечера известнейших деятелей искусства... Решено! Выставка так выставка! На вернисаж, надеюсь, не забудете пригласить и меня, - полушутливо заметил Артем.

- О чем речь, вы будете там королем презентации, - с легкой иронией ответила Нини.

- О —хо! А вообще-то я и вправду король!

- Как король? — Мириан начал сомневаться в психическом здоровье гостя.

- Как? Я король анекдотов! Король нецензурных анекдотов, посвященных половым отношениям. Не слабо, да? — подмигнул собеседникам Праксин.

Из вежливости Нини с Мирианом изъявили молчаливое согласие.

Выйдя на улицу, они долго шли молча. Молчание нарушил Мириан.

- Похоже, он и вправду влиятельный человек.

- Ничего особенного. Просто такие в России считаются пробивными. А вот Шалва Хубашвили, к примеру, - совсем другое дело. Настоящий кладёзь чудной поэзии и анекдотов. По сранению с Шалвой этот Праксин — ноль без палочки.

Когда Нини вернулась домой, отец ее еще не приходил с работы. Она прошла на кухню, где обнаружила свою однокурсницу Тику, что-то горячо доказывавшую матери Нини. Радостно всплеснув руками, она бросилась в объятия Тики. Потом Нини рассказала ей о знакомстве с Праксиным.

Мать Нини, госпожа Саломе, слушала с интересом, хотя особого восторга не выражала. Только вставила одну фразу

насчет выставки в Кремле – попытка, мол, не пытка.

А Тика, преисполненная восторга, не могла усидеть на месте.

- Как можно упускать такой шанс! Нет, ты открой секрет, как ты умудряешься с ходу всех мужчин с ума сводить? В нашей компании равных тебе по этой части нет.

- Глупости ты болтаешь. Этот московский гость мне в отцы, если не в дедушки годится. И ничем своих симпатий он не выдавал, - обиделась Нини.

- Нет, ну до каких пор можно быть такой наивной? Он ведь и представления не имеет о твоих гобеленах, а уже предложил выставку. И где?! В Колонном зале Кремля! И почему Мириану выставку он не предложил? Голову даю на отсечение – позвонит тебе этот Праксин.

- С какой стати он должен мне звонить? И вообще, не пойму, к чему уделять столько внимания этому делу?

- О тебе же и беспокоюсь. Ну что наши кретины-врачи смогли поделаться с твоими припадками? Так зашей этого лоха. Повезет он тебя в Москву, подлечит, да еще и выставку устроит. Двух зайцев убьешь, чем плохо? Или думаешь, что этот голодранец Мириан тебе на что-нибудь сгодится? Одной любовью с цветами да собственными портретами сыта не будешь. Тебе нужен тот, кто реально о тебе позаботится, понимаешь? – не останавливаясь, тараторила Тика.

- Не нужен нашей дочери никакой покровитель. Мы и сами можем о других позаботиться. А второго такого друга, как Мириан, она нигде не найдет. Что же насчет подлечиться - об этом и вправду стоит подумать. Только бы нашелся кто ее вылечит, только бы нашелся – тут я на все пойду. Увидеть бы ее здоровой, так я по гроб жизни готова буду любую прихоть этого русского еврея исполнять.

- Вот и я о том же – когда такой шанс сам плывет в руки, грех им не воспользоваться, - поддакнула Тика.

- А меня вы не спрашиваете? Что общего может быть у нас с этим дряблым придурковатым старичком?

- Деточка, подумай! Если этот человек и вправду тебе симпатизирует. Обращайся с ним, по крайней мере, уважительно.

- Ну, не знаю, если он действительно хочет мне добра, как же мне этого не оценить? И не забывайте, я ведь с ним познакомилась в семье Нуцико – сердце Нини начало подтаивать.

Проводив Тику, Нини прошла в спальню, улеглась в постель и погрузилась в размышления. Ладно, пусть Тика преувеличивает. Но ведь и мама с ней согласна. А с мнением матери она всегда считалась. В сердце теплилась тихая радость, предчувствие, полное надежд. В мечтах она уже переселилась в Москву, представила себе толпы поклонников и розы, розы... Московская медицина победила ее недуг, и она нисколько не боялась, что в день открытия выставки ее хватит проклятый припадок. Она счастлива! Она одета в платье, сшитое специально к этому дню. Все гости вернисажа влюблены в нее. Сладко грезя, они постепенно утонула в дремоте. И на самой грани между сном и явью, вдруг почувствовала, что мать трясет ее за плечо.

- Быстро, быстро! К телефону! Кажется, это твой русский звонит.

- Слушаю! – полусонным голосом отозвалась Нини.

- Это Артем, – слышался в трубке счастливый, задорный голос. – Хотите, расскажу один мудрый анекдот? О любви грузинской девушки и старого еврея.

- Хочу, – не раздумывая, ответила Нини. Голос в мембране звучал слабо и неразборчиво. Фразы частично пропадали, так что содержание анекдота она не поняла даже приблизительно. Но не успел Праксин закончить, как Нини звонко рассмеялась.

- Понравилось?

- Очень!

- А знаете, дорогая Нини, почему я звоню вам? Хочу называть вас Ниночкой.

- Как вам угодно

- И вот еще что, дорогая, с городом вашим я очень плохо знаком. Завтра я должен пойти в Литературный музей. Я в затруднении, может быть, вы мне поможете? Уделите хотя бы два часа, буду вам очень благодарен.

- С большим удовольствием, – мгновенно ответила Нини.

- Что, деточка, чего он хотел?

- Встречу мне назначил, мама, что делать?

- Ну вот, ты ведь уже согласилась, а теперь спрашиваешь. Конечно, пойди, только долго не задерживайся. Знаешь ведь, усталости ты не переносишь, как бы приступ не случился.

В ту ночь Нини долго ворочалась с боку на бок. И утро встретила, все размышляя и волнуясь. Все будущие удачи

в мыслях ее увязывались с Артемом. На лице ее блуждала счастливая улыбка. И засыпая, она даже не вспомнила о существовании Мириана.

Мириан, по заведенной традиции, звонил Нини каждый день, ровно в 11.00. И, так же по традиции, в это время начинался семейный завтрак. Мать со смехом утверждала, что сверяет часы по звонку Мириана. В то утро трубку сняла Саломе.

- Как поживаете, госпожа Саломе? Нини беспокоилась о вас, говорила, что в последнее время вам нездоровится. Как смеет какая-то ничтожная болезнь предстать перед вами, княгиней Андрионикашвили.

- Ничего серьезного, врач сказал, скоро как рукой снимет.

- Прекрасно. А как Нини?

- Нини? – голос Саломе изменился. -- На рынок она пошла с отцом. Скоро вернется.

Мать не растерялась - она заранее придумала, что отвечать. А Мириан безоговорочно верил всему сказанному ею и Нини.

Вернувшуюся домой Нини переполняли впечатления. Ей не терпелось поскорее рассказать матери обо всех событиях минувшего дня. До возвращения дочери Саломе не могла найти себе места. Только к шести часам вечера, когда раздался звонок Нини, изнервничавшаяся Саломе наконец успокоилась.

При виде дочери, светящейся от радости, Саломе тоже повеселела.

- Бедняга, раз сто, наверно, позвонил, - Саломе имела в виду Мириана. – Мне кажется, ты его вконец с ума сведешь.

- Ты случайно не проговорила ему о нашей сегодняшней встрече?

- Бог с тобой, не хватало только об этом переживать. Да расскажи ты, в конце концов, что он за человек, этот Артем, и чего ему от тебя надо?

- Гениальный! Гениальный человек, мамочка! Интеллигент до мозга костей! Садись в такси – открывал двери, пропускал меня вперед – «пожалуйста!» За столом угощение предлагал – «пожалуйста!». В общении – предупредительность, полный почет и уважение, – мысленно Нини сравнивала Артема с Мирианом, для которого подобные манеры были что китайская грамота.

- Смотри, мама, он и книгу свою мне подарил, сборник анекдотов. Да еще с автографом, - с гордостью сообщила она и

танцующей походкой упорхнула в свою комнату.

- Погоди, погоди, а это что? – на лице Саломе появилось изумление. – Кольцо это откуда?

- Ха-ха-ха, - залилась смехом Нини. – Подарил он мне, мама, представь себе, подарил!

Саломе не могла понять – шутит Нини или говорит серьезно.

- Знаешь, какие песнопения слушали мы в Сиони? Праксин был в восторге. И там же, в церкви, он вынул это кольцо, надел мне на палец и прошептал: «Мой ангел, это тебе на память» - Нини очень похоже симитировала интонацию Артема Захарыча.

Внезапно раздался звонок. Саломе открыла дверь, и в прихожую с шумом и хохотом ворвались Тика с еще одной подругой – Натией. Девушки были совершенно разными по характерам, бранились по десять раз на дню, но ссоры моментально забывались и ничуть не вредили их дружбе.

Нини тут же утащила подруг в свою комнату и, захлебываясь эмоциями, рассказала о проведенном дне.

- Знаете, что он мне сказал? «Главный врач центральной московской больницы – мой ближайший друг!» В той клинике новейшая аппаратура. А потом знаете что сказал? – она сделала паузу для подогрева интереса.

- Что?! – в нетерпении крикнула Тика.

- А вот что. «Ты только приезжай в Москву, а дальше предоставь действовать мне. Через неделю вылечу тебя и будешь у меня как птичка». Вот, книгу свою подарил. Смотрите. С автографом, между прочим... Представляете, какую книгу написал! Момент – я только переоденусь и вернусь – и Нини убежала в свою комнату.

Тика взяла книгу, просмотрела и схватилась за голову: «Смотри! Хоть сейчас врубаешься, с кем мы имеем дело?» Натия выхватила у нее книгу, бегло пробежала глазами и сердито сказала: «Этот тип или аферист, или просто идиот. Разве нормальный человек будет ставить авторский автограф на сборнике народных анекдотов и выдавать его за собственное сочинение?»

- Что ни говори, а в Москве он пользуется серьезным авторитетом.

- А ты мне объясни, можно назвать нормальным человека, который всю жизнь посвятил собиранию одних только

нецензурных анекдотов?

Заслышав шаги Нини, подружки прервали разговор.

На другой день, под предлогом знакомства с гобеленами Нини, Артем был приглашен на семейный обед.

К подготовке пиршества Саломе приступила с самого утра. Не найдя в городе лучшего натурального вина, отец Нини, Валерьян, срочно рванул в Кахетию, к знакомому виноделу. Пирожные поручили печь старшей дочери, Лиане. Нини строго наказали ни за какие домашние дела не браться, не хватало, мол, тебе устать, выглядеть ты должна как ягодка.

Пусть даже в долги влезть придется, а на столе должно быть все, что душе угодно, включая птичье молоко! – вынесла вердикт Саломе.

Конечно же, больше всех волновалась Нини. Все сетовала, что в Грузии аристократические манеры за столом преданы забвению, и, не дай бог, осраимся перед таким почетным гостем!

Ломали голову и над списком приглашенных. Тика и Натия подразумевались сами собой. Мириана тоже стороной нельзя было обойти. А Шалва Хидашели теперь казался Нини столь незначительной персоной по сравнению с Артемом Захарычем, что мать с дочерью посчитали неуместным приглашать его.

Первым из гостей на пороге дома семьи Квеладзе появился Праскин. Нини с Саломе встретили его с расплывшимися в улыбках лицами. Волнение Нини между тем все усиливалось, и, пока накрывали стол, она придиралась к каждой мелочи. Осмотрев гобелены, Артем обратился к Саломе: «Присядем где-нибудь, поговорим о будущем вашей дочери». Они прошли в гостиную, и там, при изменившемся освещении, словно бы по-новому взглянув на Саломе, Артем изумился: перед ним была аристократка прошлых романтических времен.

- У вас такая прелестная дочь, вы счастливая мать. Артем Захарыч еще не успел отдышаться от крутого подъема по лестнице и выговорил эту фразу на прерывистом дыхании.

- Меня поражает ее талант, ее чувство колорита. Насчет выставки в Колонном зале и обсуждать нечего – считайте, что этот вопрос уже решен. Что же касается ее болезни... Я прошу вас – потерпите немного, всего чуть-чуть... Пройдите в Тбилиси полный курс анализов. У меня должны быть на руках результаты.

– тут он рассмеялся громко и самодовольно. – И считайте, что ваша дочь здорова.

С каждым словом Праксина надежды крепили в душе Саломе, и лицо ее озарялось радостным светом.

Спустя примерно час после прихода анекдотчика все гости сидели за накрытым столом в гостиной Квеладзе. Седовласый Иродион, приходившийся Нини родным дядей, был избран тамадой, но во главе стола сидел, конечно же, Артем Захарыч. По правую и левую стороны от него – Нини и Саломе. В уголке притулился Мириан. За столом сидели также забредшая на огонек пара знакомых – недавно отбывший тюремный срок Зарбег со своей подругой Магдой. Зарбег познакомился с Нини на море, представившись солистом оперного театра, хотя на самом деле пел в ресторане. Валериан отсутствовал на званом обеде по причине неотложных дел за городом.

– Господин Артем, какое из этих специально доставленных для вас вин вы предпочтете – мукузани или аладастури? – с улыбкой обратилась к московскому гостю хозяйка дома.

Артем отрицательно помотал головой.

– Водочку предпочитаю. Простую, вот хотя бы «Пшеничную». А вообще была бы водка, а какая – все равно. Плохой-то водки не бывает – бывает хорошая или очень хорошая.

Тут Саломе призадумалась – и чего они с ног сбивались в поисках изысканного вина, но никакого неудовольствия на лице не изобразила. Зарбег хотел было шепнуть на ухо Магде: «Что свинья в апельсинах понимает?», но она так сверкнула на него глазами, что слова застряли в горле. Стол, и так ломившийся от яств, Лиана уснащала все новыми и новыми блюдами. После третьего тоста Праксин о чем-то пошептался с Нини, и они молча и неожиданно проскользнули на кухню. Гости за столом переглянулись. Мириан изо всех сил старался сдержаться, но лицо его все-таки выдавало раздражение.

Вернувшись с Нини к столу, Артем хлопнул подряд три рюмки водки. Нос его после этой операции моментально покраснел. Время от времени Артем Захарыч фамильярно прихватывал княгиню Андроникашвили за плечо, похожее на булочку из пшеничной муки высшего сорта. Она делала вид, что ничего не замечает, с подчеркнутым увлечением ведя беседу с гостями. «Не слишком ли по вкусу пришлось нашему гостю белое мясо?

Хорошо, что Валерьяна нет дома. Как ты думаешь, чего ему от тебя надо?» - наклонившись к Саломе прошепел Зарбег.

- Проверяет – натуральное или восковое? – отшутилась Саломе.

Артем Захарыч снова дал знак Нини, и они вышли из-за стола. Праксин, пытаясь, семенил впереди, а Нини плелась за ним покорным теленочком. Натия и Магда, чтобы не расхохотаться в открытую, зажимали себе рты ладонями. Мириан, весь на нервах, ерзал на стуле, не находя себе места. В конце концов он тоже встал, заявил, что вино на столе кончается и отправился на кухню. Саломе это не понравилось, но недовольства своего она в открытую не выражала. А гостям все было понятно и без слов.

Стоя посреди кухни и размахивая руками, Праксин что-то доказывал Нини, которая слушала его, затаив дыхание. Завидев Мириана, они тут же прервали разговор. Нини рассердилась – такого почетного гостя в нашем доме, мол, еще не принимали, а этот что тут выкобенивается... Скоро все трое вернулись за стол. Артем Захарыч осушил подряд еще две рюмки. Он уже весь побагровел, до кончиков ушей. И сколько тамада ни пытался перейти к следующему тосту, пьяный Артем Захарыч перебивал его неизменной фразой: «А сейчас я расскажу вам один мудрый анекдот!» Наконец чаша терпения Иродиона переполнилась, и он в сердцах бросил: «Если этот наглец сейчас не заткнется, я его вышибу из-за стола».

Мириан, пытаясь сгладить напряжение, быстро вмешался:

- Попросим нашу очаровательную Натю исполнить что-нибудь!

Лиана вынесла гитару. За столом воцарилась тишина, в которой зазвенел особенный, переливчатый голосок Натии. И вдруг...

- Хрр-хрр-хрр. – разнеслись по гостиной раскаты. Заслушавшиеся песней гости, только услышав громоподобный храп, заметили, что Артем Захарыч заснул.

- Хрр-хрр-хрр, - Артем Захарыч храпел с подвываниями и поеживанием, и казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет у него из груди. Саломе с Нини встревожились.

- Совсем мы о госте забыли! – сокрушалась Саломе.

- Мама, давай уложим его в спальне!

- Нет, пусть дрыхнет здесь, - успокоил всех Иродион.

- А вдруг его затошнит, может, таз принести? – спросила растерянная Нини.

Лиана быстренько подставила таз под Праксина.

- Мама, я на него папин плащ накину, а то еще простудится... – нервничала Нини.

- Оставьте его в покое, пусть отдыхает. как ему вздумается, - рявкнул обозленный Иродион.

Лиана, будто бы не расслышав замечания своего дядюшки, прибежала со старым белым плащом и набросила его на плечи храпящего Праксина.

- Хрр-хрр-хрр, - беспрерывно раздавался храп вперемешку со свистом, будто в лесу спиливали огромное дерево.

- Тише, давайте говорить шепотом. Не будем тревожить Артема Захарыча, он, наверное, очень утомился, - еле слышно предложила Нини.

Выхода другого не было, и гостям пришлось согласиться. Чуть погодя тамада повторно поднял бокал за здоровье Нини. Разморенный вином Мириан, не рассчитав голосового диапазона, продекламировал стихотворение Шандора Петефи «Люблю тебя сильнее и сильнее».

- Ой, а где это я? – вдруг подал голос Праксин и обвел глазами застолье. Ресницы у него слипались, зрачки расширились, и он усиленно тер виски жирными руками.

- Вы в Тбилиси, в квартире Нини Квеладзе, - ласковым, заботливым голосом сообщила Саломе.

- Очень хорошо, очень хорошо. Люблю Тбилиси, уважаю Тбилиси.

К столу Праксин не возвратился. Он взял Нини под ручку и увел в угол гостиной, на уютную тахту. Устав от назойливого гостя, пирующие, войдя в раж кутежа, уже не обращали на них внимания. «Не лишиться бы удовольствия от такого сказочного стола», - думали они.

До Мириана доносились обрывки фраз: Москва... Колонный зал... Кремль... Нини смотрела ему в глаза, как зачарованная. Лицо ее светилось гордостью – еще бы – Праксин говорил с ней, и только с ней. Мириан не разделял всеобщего веселья. Он ловил взгляд Нини, но пересечься с ним ни разу не удалось. Зато устремленный в сторону тахты неотрывный взгляд Мириана перехватила Саломе – и возмутилась – чего это именно сейчас

ему вздумалось зенки пялить? А Мириан не мог прийти в себя от злости, что его любимая оказалась в столь унижительной ситуации.

- Хватит с меня – уйду прямо сейчас, – молнией сверкнуло в сознании решение. И не успел Мириан привстать со стула, как какая-то неведомая сила усадила его обратно. Даже спустя годы он так и не понял, что это была за сила, столь яростно воспротивившаяся в тот вечер его уходу. Быть может, на самые важные шаги в жизни и толкает нас эта неведомая сила, а мы-то думаем, что решения принимаем сами.

Гости стали собираться по домам. В гостиную вошла Лиана.

- Праксин решил погулять с Натией на Черепашьем озере, за полночь уже... Бедная девочка отказывается, а он ни в какую – пойдем да пойдем, - сказала она Мириану. Выйдя в другую комнату, они застали Нини и Саломе увещающими Артема Захарыча. Просили-умоляли перенести эту прогулку на завтра. Сгораздая от стыда и растерянная Нини, словно бы в оправдание заверяла, что два дня назад Артем приглашал ее на Черепашье озеро, и вот теперь так некстати об этом вспомнил. Посреди всей завертевшейся суматохи Лиана и Мириан, уловив момент, умыкнули Натю из комнаты. Мириану теперь уже до боли стало жаль Нини. Хотя, конечно же, сама Нини не чувствовала собственного унижения. Ведь рядом стоял сам Артем Захарыч, ее избавитель от тяжелого недуга и главная надежда на пути к мировой славе. Не обнаружив в комнате Натю, Праксин тотчас же позабыл о ее существовании. Лишь с грехом пополам впахнув московского гостя в такси, Саломе и Лиана успокоились и вернулись домой в приподнятом настроении.

Три дня Нини в сопровождении матери бегали по врачебным кабинетам поликлиник. Наконец все результаты анализов были у них на руках. Однако результаты эти ничем не обнадеживали. Саломе особенно беспокоило, что с возрастом приступы эпилепсии у Нини становились все более частыми. Местные врачи не могли поставить точного диагноза, хотя в один голос утверждали, что удивляются, как она еще живет с такими частыми и длительными припадками, которые по их прогнозам вот-вот должны были перерасти в постоянные. Сначала она чернела, потом прерывался пульс. И если рядом не оказывалось никого, Нини валилась как подрубленная и несколько минут

лежала неподвижно. Мириан пугался до смерти, если приступы одолевали Нини в его присутствии. Он словно вместе с ней уходил в мир иной и вместе с ней возвращался.

Три дня спустя Нини с Саломе поехали в аэропорт провожать Праксина.

- Через неделю я свяжусь с вами по телефону – Артем Захарыч – дорожные расходы и все затраты по лечению и организации выставки я беру на себя – обнадеживал он. И с того часа на каждый звонок к трубке подбегала Нини, никого к телефону не подпуская. Но Артем все не звонил. Девушка терялась в догадках и нервничала. Всякий раз, когда она была почти уверена, что звонит Праксин, в трубке слышался голос Мириана. И всякий раз после этого ее убежденность в том, что надо отказаться от Мириана, все крепла. Тика оказалась права – этот человек не мог стать ее поддержкой и опорой в жизни. Вся семья Квеладзе извелась от нервозности, потому что эти звонки и ожидание участили приступы Нини. И вот спустя месяц, окончательно потерявшая терпение Нини решила сама позвонить в Москву. В трубке послышался скрипучий старушечий голос.

Артем Захарыч представился Нини холостым одиноким мужчиной. Она подумала, что ошиблась номером, но на всякий случай, поздоровавшись, все-таки спросила:

- Можно к телефону Артема Захаровича?

- Он вышел, - коротко и холодно ответили на том конце провода.

- Уважаемая, вы, наверно, его домработница, передайте господину Артему, что...

- Кто домработница, шлюха ты такая! Я Дуся Семеновна, его супруга, - заскрежетал в трубке голос, переходящий в крик. – Артем Захарович уехал в Америку на лечение, ты, блядь тбилисская! – проорала она и швырнула трубку.

Оскорбленная и уничтоженная, Нини скошенной травинкой упала на стул.

Шли дни, но от нанесенного удара девушка так и не оправилась. Полностью опустошенная, она ни с кем не желала разговаривать. Телефонные звонки вызывали в ней крайнее раздражение. Она настолько возненавидела телефон, что пару раз чуть не расколошматила его. Отсутствие перспективы

завтрашнего дня погрузили ее в туман безнадежности. Врачи сомневались, что она выкарабкается из этой депрессии. Родители не знали, что и делать. Нини изменилась до неузнаваемости.

- Все вы мне поперек горла стали! Не могу я жить в этой стране идиотов, - то и дело срывалась она на крик.

Обо всем этом ничего не знал Мириан, уехавший из города на месяц по делам. Вернувшись в Тбилиси, он первым делом навестил Нини.

Дверь открыла Саломе. Зареванная, икающая от слез, она еле выговорила: «Нини умирает». У Мириана в глазах потемнело – казалось, в висках его застучали тысячи молотков. Припадки у Нини повторялись теперь уже каждые два-три часа, и врачи отводили ей крайний срок жизни не более четверти года. Широко раскрытые газельи глаза девушки были устремлены в потолок, и она бормотала что-то неразборчивое. Мириан не помнил, как он вышел из подъезда. Ноги сами понесли его в ближайший храм, где он, коленопреклоненный, вознес молитву Спасителю о выздоровлении Нини. Выйдя из храма, Мириан почувствовал, как прояснились его мысли. И тут же вспомнился эпизод пятилетней давности, когда он поездом возвращался в Тбилиси из Батуми. В купе один из пассажиров рассказывал – место есть такое в Гурии – Шемокмеди* – единственное в целом мире село, носящее имя Господа. Там живет знахарка, которая лечит нервные припадки. Хранившийся где-то на чердаках памяти, рассказ этот вдруг отчетливо всплыл в сознании Мириана. Шемокмеди – тогда он впервые услышал это название и даже не удосужился спросить – в Имеретии оно или в Гурии. Потом он вспомнил, что где-то читал об этом селении. И память услужливо подсказала еще один фрагмент: «переводчица на английский язык «Витязя в тигровой шкуре» Марджори Уордроп искренне желала, чтобы последним приютом ее стал притвор храма в деревне Шемокмеди». Сколько времени прошло... Целых пять лет... Жива ли еще та знахарка? Необходимо срочно навести справки об этом селении. Придя домой, он пролистал церковные издания, и в одном из них обнаружил запись: «В гурийском селе Шемокмеди первый кафедральный собор был освящен в 1422 году». «Действительно, в этой деревне есть что-то мистическое», - вертелось у него в голове.

*Шемокмеди - Создатель

Собирался Мириан недолго – тем же вечером поезд уносил его в незнакомый и таинственный край. И наутро он уже направлялся в Шемокмеди, то и дело сверяясь у встречных на развилках. Наконец он добрался до Шемокмеди. Посреди деревни пенилась речка, словно невеста в белоснежной фате. Над букетами вечных снегов на вершинах гор клубился туман. Горы эти, словно могучие стражники, охраняли сельский покой и безмолвие. А купольный монастырь на вершине горы был подобен лебедю, расправляющему крылья и готовящемуся взлететь.

- Все, что вас интересует, вы можете узнать в центре. Там, под тысячелетними платанами с утра до позднего вечера сидят старики, они вам все расскажут об этой знахарке, - подсказал Мириану случайный прохожий. Под платанами и вправду сидели, мирно беседуя, трое белобородых старцев.

- Та, кого вы ищете, живет во-о-н у того монастыря на горе. Но мы не будем вас обнадеживать. Уже десять лет как она прикована к постели, настолько ослабла, что куда ей по горам бродить, травы собирать. Одной ногой в могиле... но, раз вы такой путь проделали, не ехать же обратно. Попробуйте, душу успокоите...

Мириан посмотрел на высящийся в горной дымке купол храма и перекрестился.

Положение Нини между тем становилось все хуже. Родителям ее сообщили, что в связи с похожей болезнью какого-то высокопоставленного чиновника в Грузию из США прибыл известный врач-невропатолог. Саломе добилась приема у него. Врач осмотрел Нини и сказал, что надежда на исцеление может появиться только и только в том случае, если припадок не повторится в течение восьми дней подряд.

- Хотя полное избавление от этого тяжелого заболевания невозможно даже с помощью новейших западных медикаментов и аппаратуры, - сказал на прощание американский профессор.

В последнее время Нини дергалась даже по ночам, ей снились кошмары. А однажды Нини приснилось действительно нечто странное: солнечный день. Нини с Мирианом в Гудаури, на ней тонкое развевающееся платье. И Мириан ей выговаривает: почему ты поехала в горы в летнем платье?! Ночь. Они спускаются на канатке с горы в долину. Неожиданно отключается электроэнергия, и их «двухместка» зависает

в воздухе. Невыносимо холодный, пронизывающий ветер и мороз пробирает их до костей. Нини коченеет. Она уже готова разреваться, но из последних сил сдерживается. Мириан снимает пиджак и укутывает ее. Идет время, но канатка все не трогается с места. Прыгать вниз бессмысленно – там подстерегает двойная опасность. Если снежный покров мягок, они могут оказаться заживо погребенными. А если он затвердел – разобьются насмерть. Мириан оглядывает небо. С севера и запада надвигаются, одни чернее других, грозно нахмуренные тучи. Мириан шепчет молитву. Нини целует крестик, подаренный дедушкой. Еще секунда – и канатка приходит в движение.

- Спасение! Спасение! – кричит Нини во весь голос. И этим криком она будит родителей, которые в испуге вскакивают с постели.

- Что случилось, Валериан? – спросонья спрашивает Саломе.

- Нини бредит, наверное, температура поднялась.

Мать с отцом сидят у ее постели до тех пор, пока она, устав, после долгих конвульсий, не засыпает.

Непривычный к долгой ходьбе, Мириан несколько раз останавливался отдышаться на крутом подъеме.

- Одолеете подъем – справа увидите домик во дворе. Там и живет знахарка Фати Мдинарадзе, - сказала ему девчушка, стоявшая за полуразрушенной каменной оградой.

Мириан легко нашел дом Фати Мдинарадзе, толкнул калитку, и перед ним предстал словно бы любующийся собой домик с резными окнами и балконом. Он робко позвал хозяйку, но на зов никто не откликнулся. «Госпожа Фати!», - уже погромче позвал он, подойдя ближе.

- Заходи, сынок! – послышался слабый голос. Мириан переступил порог и увидел лежащий на тахте призрак, похожий на скелет из анатомического кабинета. С трудом сдерживая слезы, Мириан рассказал о причине своего прихода.

- Десять лет уж как руки мои не прикасались к травмам. К постели я прикована, слаба уже совсем, Божьей волею три года еще протяну – и сто лет сровняется старухе Фати. Кожа да кости от меня остались. Да не хочет Господь к себе меня прибрать. А кто в силах поторопить Всевышнего? Но рассказ твой, сынок, в

самое сердце мое проник. Это не лекарство... Это — чудо. Для его приготовления я находила в горах редкий голубой цветок бессмертника. — Старуха извлекла из покрытого толстым слоем пыли альбома выцветшую фотографию. — Вот этот голубой цветок. Расцветает он на самых горных макушках, и только тогда, когда они окутаны туманом. Может, попробуешь? Задача эта городскому жителю вряд ли под силу, но другого выхода нет.

Мириан, не помня себя от радости, бросился целовать безжизненные руки старухи Фати.

Две недели без малого бродил Мириан по вершинным тропам горного кольца в поисках заветного голубого цветка. Руки его были исколоты шипами и колючками. Заросшего щетиной тбилисского художника, выглядевшего как последний бродяга, вряд ли бы узнали теперь коллеги и близкие.

Уже почти теряя последние силы, на тропе горы Наджихурала, под одним из громадных валунов, он заприметил голубой цветок и дрожащими руками сорвал его, глазам своим не веря.

- Настоящий бессмертник! Не думала — не гадала, что в наш искусственный век он сумел выжить... — радостно зашамкала старуха-знахарка.

Поезд на Тбилиси появился на деревенском полустанке в 9.00 утра.

Поздним вечером Мириан позвонил в дверь квартиры Квеладзе. Дверь открыла Саломе.

- Где ты пропадал, Мириан? Она только о тебе и спрашивает...

- Я лекарство принес, оно спасет ее, вот увидите, непременно спасет...

- Ээх, - только и смогла вымолвить Саломе и расплакалась. Мириан смертельно побледнел.

- Измучилась она, только вот заснула...

- Лекарство и вправду чудодейственное. Целительница сказала мне, что если после его приема припадки не повторятся восемь дней подряд, это будет означать окончательное исцеление.

Саломе вздрогнула в изумлении, вспомнив слова светила американской медицины. Но Мирану об этом ничего не сказала.

Мягкими неслышными шагами подошел он к постели Нини. Непомерная худоба придавала ее облику устрашающе-

мистический оттенок. Мириан резко развернулся, вышел из комнаты и, не прощаясь, выбежал на улицу.

Он пил, протрезвлялся, потом снова пил, насильно вливая в себя алкоголь. Все это время сон не подходил к нему и на пушечный выстрел. Целыми ночами, шатаясь, он бесцельно бродил по улицам.

Заря девятого дня лениво пробивалась сквозь толщу ночи.

Подходя к телефону, Мириан почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Трясущимися руками взялся он за трубку.

- Слушаю, - раздался в мембране голос Саломе, показавшийся Мириану бодрее, чем раньше.

- Нет, это я вас слушаю, - еле выдохнул Мириан.

- У Нини за все эти восемь дней приступы не разу не повторились! — радостно затараторила Саломе.

Мириан поднял глаза к небу. Очищенное от надвигавшихся с севера и запада свинцовых, грозно нахмуренных туч, оно все полнее и полнее наливалось солнечным светом.

Что же касается Артема Захарыча Праксина, то он после года лечения в ведущей клинике Лос-Анджелеса, тихо скончался, так тихо, что Дуся Семеновна об этом и не узнала.

დავით შემოქმედელი
რატომ ტირიან ჩიტები ზამთარში
(რუსულ ენაზე)
88 გვერდი.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. САРИШВИЛИ. ВРЕМЯ СОБИРАТЬ ГРОЗДЬЯ</i>	3
ПОЧЕМУ ЗИМОЙ ПЛАЧУТ ПТИЦЫ?	6
НЕОКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ	12
БАКУРА	20
СЛЕЗЫ ПРЕГРЕШЕНИЯ	23
ИСТОРИЯ ПТИЦЫ И ВОЛКА	29
В ЯМЕ	33
В КУПЕ	37
МАТИКО	41
В ДОРОГЕ	42
ИЗМЕНА	45
ИНДИКО	50
КОРОЛЕВСТВО АРИМАНА	59
МАНИ, МАНИ, МАНИ	66
ГОЛУБОЙ ЦВЕТOK	68

ИЗДАТЕЛЬ -

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»**

Руководитель проекта

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Шемокмедели Давид Иванович
ОТЧЕГО ЗИМОЙ
ПЛАЧУТ ПТИЦЫ

РЕДАКТОР

А.Еремян

ДИЗАЙН

А.Еремян

Д.Элбакидзе-Мачавариани

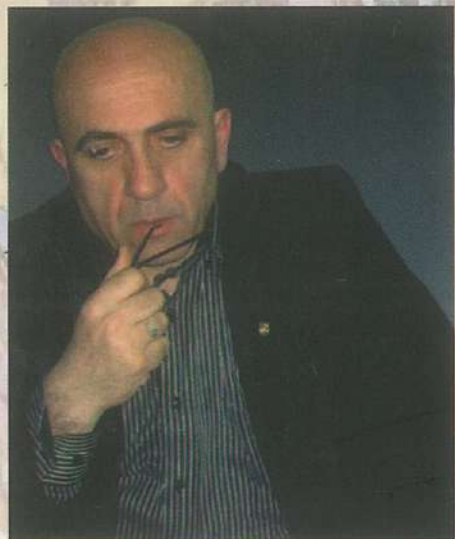
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

Д.Абуладзе

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Д.Элбакидзе-Мачавариани

И.Синаташвили

ДАВИД ШЕМОКМЕДЕЛИ

Давид Иванович Такидзе (литературный псевдоним Шемокмедели) родился 8 апреля 1953 года в селе Шемокмеди Озургетского района (Западная Грузия).

Президент Общества Руставели Грузии.

Заместитель председателя Союза писателей Грузии.

Директор издательства «Давити».

Лауреат премий Давида Агмашенебели (поэзия), Галактиона Табидзе (поэзия), Нико Лорткипанидзе (проза), Иванэ Мачабели (переводы).

Посол грузинской культуры.

Автор 11 книг поэзии и прозы.

В 2011 году в Баку вышла в свет книга стихов поэта «Солнце отдыхает в тени» на азербайджанском языке.

Произведения опубликованы в переводе на языки мира, вошли в Антологии поэзии многих стран.

